
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «НЕ ХВАТИТ ЛИ «СБРАСЫВАТЬ ПУШКИНА С КОРАБЛЯ ИСТОРИИ»? (ЧТО НАМ СЛЕДУЕТ ВЗЯТЬ ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА)»

От редакции: Тема очередной, уже ставшей традицией нашего журнала, всероссийской и международной дискуссии вынесенная выше в заголовок, была объявлена «забойной» «Колонкой главного редактора» в № 1/2013 «Приокских зорь». Кроме того, этот текст еще до выхода № 1/2013 был циркулярно разослан всем авторам журнала.

Редакция «Приокских зорь» рекомендует читателям перед ознакомлением с материалами настоящей дискуссии освежить в памяти содержание исходной статьи, а также **обязательно** прочесть «Колонки главного редактора» в №№ 2—4/2013 «ПЗ» в части, имеющей прямое отношение к дискуссии.

Итоги дискуссии будут опубликованы в «ПЗ» № 1/2014 в статье зав. отделом публицистики и литературоведения Натальи Квасниковой. Это тоже уже стало традицией. В этом же номере журнала будет предложена публикация материалов дискуссии, поступивших в редакцию после 01.09.2013 (время формирования № 4/2013 «ПЗ»).

В следующем году мы планируем провести всероссийскую и международную дискуссию по теме «Колонки главного редактора» в настоящем номере журнала под названием «Герой нашего времени» в оцифрованном человеинике». О начале дискуссии будет дополнительно объявлено в циркулярном письме, но уже сейчас редакция начала прием материалов.

О, СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ ГОТОВИТ ПРОСВЕЩЕНЬЯ ДУХ!

Статья профессора Алексея Яшина «*Не хватает ли сбрасывать Пушкина с корабля истории? или Что нам следует взять из русской литературы советского периода*» всколыхнул мои прежние, да и сегодняшние размышления о состоянии русской (российской) литературы. Со многими пунктами статьи согласен всецело, хотя я бы так категорично не ставил во главу заслуг перед отечественной литературой только одного из великих руководителей страны Советов И. В. Сталина. Правда, как хозяин страны, а Сталин был таковым, он умел по-царски и казнить, и миловать таланты. И большинство литераторов жили в так называемом тоталитарном режиме, как у царя за пазухой.

В сравнение с ним нынешние руководители просто-напросто литературой не интересуются. Им ближе не духовное, а физическое здоровье нации: спорт, армия. Это, конечно неплохо. Русский человек должен уметь постоять за себя, при необходимости нокаутировать противника. А чем мы можем «нокаутировать» при случае в интеллектуальном споре с иностранным собеседником. Он тебе про Шекспира, Гёте, Эмиля Золя, а ты даже Пушкина подзабыл, не говоря уже о Тургеневе, Тютчеве, Салтыкове-Щедрине, Брюсове...

За последние десятилетия преданы забвению в народных массах десятки имён, прославивших в свое время Россию в литературных трудах. Спроси сегодня у современного молодого человека: «Кто таков Фёдор Николаевич Глинка?» Вряд ли вразумительно ответит. И слов знаменитой «Тройки»: «Вот мчится тройка удалая// //Вдоль по дороге столбовой» не вспомнит. Но зато вспомнит звёзд телеэкрана поэтессу Ларису Рубальскую, писательницу детективов Дарью Масунову, поэта Илью Резника... Хвала им и честь. Но для разнообразия можно было на голубом экране (и не только) вспомнить, изредка хотя бы, наше достойное прошлое.

Конец позапрошлого и начало прошлого веков высветили в России много литературных имён. Но если видны пока ещё имена Ивана Бунина, Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Александра Блока, Осипа Мандельштама, Пастернака..., то Спиридон Дрожжин, Константин Бальмонт, Иван Суриков, Фёдор Сологуб, Иннокентий Анненский, Демьян Бедный, Михаил Светлов и много-много других уже давно в тени. А если даже и зазвучит в песне или поговорке их оброненное в народ слово, то имени автора и не вспомнят. А ведь когда-то их Слово звало на подвиг, согревало в трудные минуты душу верой в лучшее. Да и продолжает греть. Старики еще помнят знаменитую светловскую «Гренаду» и «Каховку», еще иногда в деревенском застолье затянут грустно-минорную суриковскую «Рябину»...

Мы, часто оправдывая негативные явления жизни, ссылаемся на время. Дескать, оно жестоко в своей необратимости. Но, как порой и мы убеждались в этом не раз, это жестокое время всё ставило на свои места. А полузабытое прошлое вновь становилось эталоном в независимости от моды и самих модозаконодателей, потому что уже в своем потенциале было талантливо, гениально, если хотите.

Однако вернемся к Александру Сергеевичу: «О, сколько нам открытий чудных// //Готовит просвещения дух// //И опыт — сын ошибок трудных// //И Гений — парадоксов друг». Трудно, да и невозможно представить ни сегодня, ни завтра русскую литературу без Пушкина, как Англию без Шекспира, Германию без Гёте. Хотя, я думаю, обесцветить имя Гения невозможно и жалкие попытки сделать это ни к чему не привели и не приведут. Да и Литинститут, прозванный пушкинским царскосельским лицеем, верю, будет жить, так как нет ему пока аналогов ни в России, ни Мире.

А вот что нам взять из литературы советского периода? И на этот вопрос напраши-

вается один ответ — все настоящее, талантливое, независимое от политических взглядов и вероисповедания. И его — настоящего — очень много. Просто Россия, земля русская плодородна на таланты. Не дать только запятнать их, предать забвению, заменить суррогатом. И Александр Блок останется Блоком, Сергей Есенин — Есениным, Владимир Маяковский — Маяковским, Михаил Шолохов — Шолоховым...

Перечислять достойные имена можно и дальше. Учиться Слову у этих мастеров, нести это Слово в массы, чтобы на чистом, ухоженном литературном поле не вызревали сорняки, так сегодня заповолившие плодородную русскую писательскую ниву.

Сергей Прохоров, главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Истоки», Нижний Ингаш, Красноярский край

БАСНИ С НУЖНЫМ ПОДТЕКСТОМ НА СОЛНЕЧНОЙ ПОЛЯНКЕ

На солнечной полянке на лугу лесном,
Играя с ветерком,
Цвели жарки, саранки, колокольчики, ромашки,
Меж ними медуницы и соцветья кашки;
На луг слетались пчёлы и паслись букашки,—
Тут всякий набирался дара,
Питался сам и уносил в семью полезного нектара.
Особенно тот дар лугов
Полезен был им для питания мозгов,
Для памяти, для умственной смекалки,
И потому не забывали пчелы той лужайки.
И все, благодаря заботе Солнышка, его вниманью
Звучали некогда там щебет и жужжанье...
Когда душа над прозой жизни песней вьётся,
Тогда и радуги цветут, и родничок смеётся.
Но вот, на Солнце набежала тень:
Луна ль его собой загородила?
А, может быть, свет-ясны-очи буря замутила?..
Пришёл ненастный день.
Затмение нашло, парализовал недуг,
И то тепло, каким питался луг
(Сам дар свой отдавая),
Остыло. Луг пожух. Стал тленом зарастать,
И вместо пчёл-трудяг, уродов стая
Теперь спуют, не зная,
Как, чем себя занять?
Сознанье, память, интеллект — над ними не довлеют.
Сочувствием и состраданием — они не заболеют.
И все лишь потому, что на лугу цветущем
Тепла не стало. Отцвели там пуши.

* * *

Пока отдельные мужи играют в экономику с культурой:
На музыке, библиотеках экономят, на литературе —

Пустив на выживание их, на самотёк,
Гадать не надо тут: какое завтра поколение подрастёт?..

ЧЕРВЬ, КРОТ И СВИНЬЯ

Там, где качались в рощах мощные дубы
И где шептались с ними белые берёзки,
Росли меж ними баловни судьбы —
Их нежные подростки.
Менялись поколения, столетий череда...
За счёт опавших листьев и стволов поникших
Обогащалась у подножий их среда,
Богаче почва становилась, выше.
Но вот в ту почву Черви стали заползать,
За ними, чуя пласт там благодатный,
Кроты повадились её взрыхлять.
А там Кабан. За ним другой, а там и пятый...
И через десять-двадцать лет такое накопили там,
Такое напахали там,
Устроили такое там болото,
Что даже старым деревьям
Жить стало в роще неохота.
А что уж говорить про молодь, про кусты,
Взошедшие среди этой пахоты?
Ведь многие из них понятия не имели,
Какие были здесь аллеи,
Какие здесь леса шумели,
Какие были рощи
На этой самой почве,
Несчастье, на которой они теперь имеют жить?
Не ведая, не зная, чем можно дорожить...
Все исказилось в их сознание
От свинского тлетворного влияния.

* * *

Вот заведётся где-нибудь какой-нибудь историк-червячок,
Который сам профан иль новичок,
А как копать возьмутся Кабаны,
То опаскудят всю Историю страны.
Так опошлят и искорежат факты,
Что Родиной своей начнут пренебрегать инфанты.

ШКОЛА ЧУДЕС

«Мы все учились понемногу
Чему-нибудь да как-нибудь...»
Теперь мы рассуждаем много
И познаем учения суть.

На что-то можем возмущаться,
О чём-то будем говорить,

Чему-то будем поклоняться
И что-то искренне любить.

Но мы учились, слава Богу,
С четверками, с пятёрками и без...
Но школа, ведь была как школа...
Теперь же — «поле, блин, чудес»!

*Александр Миронов, пос. Товарково
Калужской области*

ТРИ ИСТОЧНИКА, ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОСТМОДЕРНИЗМА (не совсем по теме, но... на тему дискуссии)

Переход к постлитературному обществу?.. Кажется, всё в нашей душе протестует против подобной перспективы, однако многоопытный и многомудрый главный редактор «Приокских зорь», инициировавший подобную дискуссию, не стал бы понапрасну бить в набат. Если трезво взглянуть в лицо суровой действительности, то отчётливо понимаешь, насколько обоснованы тревоги людей, болеющих душой за русскую культуру, за будущее нашего народа, принудительно лишаемого этой культуры. Но при всём цинизме современных рыночных варваров вряд ли оказалось бы возможным единым махом смести в мусорное ведро отечественную литературу. Потребовался переходный этап. Потребовалось продемонстрировать нечто, не имеющее ни художественной, ни интеллектуальной ценности, нечто такое, что и выбросить было бы не жалко. В качестве такого суррогата литературы было выбрано одно из течений в беллетристике: постмодернизм. Согласитесь, своя логика в этом есть: к постлитературе через постмодернизм. И вот он бережно лелеется псевдолитературным сообществом, щедро накачивается финансами, назойливо выставляется напоказ в СМИ. С сожалением следует отметить, что многие литераторы, как говорит молодёжь, «повелись» на эту уловку. А что? Писать постмодернистские тексты несложно, зато известность (а за ней иногда и денежки) приходит быстро. И вот по всей стране, в том числе и в нашей литературной провинции, раздались более или менее громкие камлания жрецов «современного искусства».

Безусловно, имеются у нас, в «замкадье», звери и пострашнее «актуального» искусства. Под нескончаемым метеоритным дождём неудовлетворённых амбиций, разнообразнейших комплексов и фобий бродят по литературным окраинам страны мастодонты графомании, вытаптывая едва пробивающиеся ростки здравого смысла; равнодушные ко всему, кроме собственного желудка, чиновные шерстистые носороги медленно пережёвывают остатки региональных изданий и творческих союзов. Однако и саблезубые шакалы постмодернизма уже мелькают в этом доисторическом (постисторическом?) ландшафте.

Постмодернизм, который завёлся у нас на периферии (от сырости, что ли?) интересен, прежде всего, тем, что своей обезьяньей пародийностью обнажает суть «актуального искусства» как явления. Вдалеке от издательств и журналов федерального значения, в сторонке от нескончаемого тусовочного праздника выставок-презентаций-премий местечковый «авангард» предстаёт в лабораторной чистоте, без примесей.

Рассмотрим под микроскопом провинциального постмодерниста. Вот он бредёт по родному городу, ковыляя среди колдобин разбитых тротуаров, потягивает пиво из жестянки, поминутно поправляет на плече зачехлённую гитару, символизирующую

его неувыдающую молодость и нерастраченный творческий потенциал, несёт в подарок знакомому книжечку своих стихов. Перевернём пинцетиком несколько страниц этого издания, рассмотрим морфологию «актуальных текстов» на примере почти анонимного, безвестного литератора, дабы не задеть самолюбия увенчанных лаврами модных писателей. Кстати, соблюдая научную объективность, отметим: наш подопытный юродствует в постмодернизме бескорыстно, без какой-либо надежды быть чем-либо увенчанным, что выгодно отличает его от алчных и тщеславных особей, чей ареал обитания приближен к мегаполисам. К тому же постмодернист провинциальный не настолько нежен и раним, как постмодернисты центровые, избалованные вниманием прессы, считающие прогулку по Бульварному кольцу в сопровождении специально проинструктированного полицейского эскорта высшим проявлением воли и гражданского мужества. Мы, провинциалы, не наделены столь деликатным душещелочением. Мы привыкли сразу получать по мордасам и от хулиганья, и от полиции, и от московского начальства, искренне не понимающего, почему мы, бестолковые, никак не заживём в достатке под сенью гражданских свобод и благ цивилизации, и от представителей либеральной оппозиции, разъезжающих по просторам родной страны с лекциями о том, как нерасторопным обитателям медвежьих углов испытать, наконец, драйв и кайф бытия. Получим, стало быть, мы своё, потрём лапой ушибленное место и чапаем дальше по тем же разбитым тротуарам, заливая горяшко тем же пивом. Словом, ничто ему, писателю из глубинки, — «да он же привык...»

Впрочем, пора уже отрыть имя субъекта, столь коварно и жестоко обречённого нами на вивисекцию. Ну, не имя... Погоняло постмодернистское. Зовут его Иван Бадхи, книга же, которой он одарил современников и которую завещает потомкам, называется «Жажда». Издана она, надо полагать, на средства самого автора со всей вопиющей провинциальной безалаберностью. Тут вам и «рванные» строки — результат небрежности наборщика, и неожиданно, самопроизвольно меняющиеся шрифты, и невозможность определить, где, когда, кем и в каком количестве выпущена сия библиографическая редкость. Постмодернизм в абсолюте!

Что ж... Тем легче будет разложить «актуальное искусство» на составляющие, а нам того и надо. Хотя заниматься этим омерзительно, ибо с первых же страниц обнаруживается, что постмодернист черпает вдохновение... из канализационных стоков. Иван Бадхи считает нужным рассказать нам о том, как писает с балкона на крыши соседних домов, как нравится ему разглядывать мир «сквозь щели туалетной двери» и т.д. и т.п. Видимо, психиатры владеют терминологией для описания выявленной патологии, но мы-то должны говорить не о диагнозе, а о творческих интенциях претендента на звание поэта! А как, скажите на милость, сохранить собственное психическое здоровье, столкнувшись с таким, мягко говоря, неожиданным образом лирического героя:

*Закрывшись на щеколду утром,
Он наслаждается собой.
Духовную или другую пищу
Он исторгает из себя.
Одну в трубу, другую в книгу...*

Эта обезоруживающая откровенность исчерпывающе характеризует автора. Нам же остаётся зафиксировать в журнале по проведению эксперимента: «Подопытный имеет наглость предположить, что вопиющее неуважение к читателю не только позволительно, но и востребовано». Данный промежуточный вывод ставит перед экспериментатором новые вопросы: почему ныне считается возможным подобное отношение к некогда святому печатному слову? Отчего миазмы помрачённого сознания всегда находят отклик в среде, именующей себя творческой?

А пока мы недоумеваем по поводу результатов анализа (так!) литературных испражнений Ивана Бадхи, тот окатывает нас ещё одним мерзким потоком — потоком площадной брани. Очередное свинство постмодерниста нас уже не слишком удивляет: перенесение слов, накарябанных на стене общественного туалета, в книгу, видимо, считается нормой среди «актуальных поэтов» (особенно пикантно, что и «поэтессы» стараются пропищать свою партию в хоре матерщинников)!

Другой бы на этом прервал эксперимент, выбросив книжку Ивана Бадхи на помойку, но мы проявляем свойственную учёным самоотверженность, тем более что исход опыта недалёк и предсказуем. Автор сборника «Жажда», дабы никто не усомнился в его преданности идеалам «современного искусства», спешит зычно провозгласить:

*Что уж тут скорбеть?
Нажраться водки, песни петь.*

Подзадорив себя этим девизом, Иван Бадхи обливает читателя третьим валом постмодернистской мути — потоком спиртосодержащих жидкостей. Как ни смешно, но создатели «актуальных текстов» искренне считают, что любая их пьяная выходка настолько забавна и уникальна, что о ней непременно следует проинформировать читателя. Так подростки, отравившиеся бормотухой, потом долго с упоением смакуют малейшие подробности своих походов, доказывая себе, что отныне они стали взрослыми крутыми мужиками... Старый литературный анекдот гласит, что плести вирши всё же лучше, чем водку пить. Теперь не так! Я, грешный человек, первый скажу: пусть совсем сопьются с круга иные новоявленные версификаторы, лишь бы не теребили многострадальные рифмы да белые стихи.

И, говоря это, я снимаю резиновые перчатки лаборанта-практика и выбрасываю их в мусорный бак. Эксперимент завершился ожидаемым результатом: Иван Бадхи безуспешно пытался утолить духовную жажду читателя потоками нечистот, сквернословия и дури. Вот это и есть источники постмодернизма, то, чем живёт и питается одно из направлений современной русской литературы.

Грустно и обидно... Имей мы дело с креативными потугами отдельно взятого ущербного индивидуума, не стоило бы горевать: не тронь дёготь — не замажешься... К сожалению, всё обстоит гораздо серьёзнее. То, что мы называем постмодернизмом, не есть проявление душевной нечистоплотности какого-то писателя или же литературной группы. Тут не только желание с радостным похрюкиванием плюхнуться в лужу, но и явный расчёт замарать читателя гадкой жижей. В этом задача постмодернизма. Если вместо чистого источника вам предлагают прикинуться к стоячей в копытце воде, вы легко догадаетесь — хотят, чтобы вы козлёночком стали, хотят, чтобы вы поверили: все вокруг — козлы. А для козлов нет более подходящего поила, чем «Жажда» Ивана Бадхи. Вот и лакайте.

Мне возразят: постмодернизм использует эпатаж, давно уже опробованный художественный приём, задача которого пробудить спящую духовность читателя. Не соглашусь. Эпатаж нужен для выявления и заострения смысла. Постмодернизм же, заранее объявляющий, что смысла ни в чём нет и быть не может, занят не эпатажем, а профанацией.

Забвение человеческого образа, помрачение ума, добровольное сладострастное самоуничижение, постоянное расчёсывание своих болячек, потрава всего, о чём можно было бы сказать звенящим нравственной высотой русским языком, — это и есть постмодернизм. И это именно то, чего сегодня многие ждут не столько от русского писателя, сколько от читателя. Такую модель поведения навязывают всему народу, ловко подталкивая его на путь перманентного житейского постмодернизма, подпитывая финансами псевдотворчество и упрямо высвечивая псевдосовременность

прожекторами, софитами, рампой... Так восприятие «актуального искусства» переходит из эстетической плоскости в разряд этических проблем.

Действительно, существуют у нас целые министерства, возглавляемые «актуалистами», умеющими настолько артистично воровать вверенные им средства, что разум отказывается вместить масштабы расхищенного. Редкий писатель-постмодернист сумеет так поразить и сбить с толку, так убедительно представить бессмысленное наполненным смыслом, как удаётся сделать это высокопоставленным взяточникам, которым впору присудить премию (деньги к деньгам!) за выдающиеся художественные достижения, заставляющие современников всерьёз задуматься: нужна ли одному человеку квартира с дюжиной комнат? сколько пальцев у обладательницы десятков тысяч колец и перстней? что можно рассматривать при свете хрустальной люстры в туалете?

Постмодернисты от космической отрасли, дабы скрыть факт хищения казённых миллиардов, запускают игрушечную ракету, которая креативно шлёпается в воды Мирового океана. Да такой акционизм и не снился никому ни в Вене, ни в любой другой арт-столице! Дорожно-строительные постмодернисты возводят одноразовые шоссе, размокающие при первом же сильном дожде. Попробуйте придумать что-либо более концептуалистское! Постмодернисты-военные оставили себе всего один погон, да и тот разместили чуть ли не на причинном месте. Вот это биение творческой мысли!

А насколько высокохудожественно пытаются наши полицейские попавших в застенки сограждан! А разве совращение несовершеннолетних посредством ЕГЭ — это не постмодернизм? А что может быть ближе постмодернистскому сознанию, чем полумёртвый от опьянения автомобилист, гоняющий по городским улицам? Можно ли представить себе лучший перфоманс, чем разлетающиеся от удара капотом трупы?

Потому, обличая постмодернизм, мы должны обличать три составные его части: лень, безответственность и хамство. Общая наша беда в том, что в общественном сознании эти черты национального характера, так самозабвенно и полномасштабно выраженные в творчестве постмодернистов (в соответствии с концепцией реализма, кстати сказать), перестали восприниматься как постыдные. Наша общая задача — развенчать самодовольно-ограниченную личность, привыкшую пренебрегать обязанностями и прятаться от труда за ширмой рассуждений о правах человека, свободе творчества, толерантности и проч.

Заявим прямо: права человека важны. Свобода творчества необходима. Толерантности придерживаться желательно. И те, кто считает эти ценности первостепенно важными, должны (хотя бы ради популяризации своих идей) обязательно позаботиться о том, чтобы не нарушались наши права на чистоту родного языка, чтобы желание прилюдно гадить назвалось не свободой, а скотством, чтобы соблюдалась толерантность по отношению к людям, не считающим матерщину нормой речи.

Однако сторонники постмодернизма озабочены совсем другим: нащупыванием «новых путей в искусстве», артикуляцией «нового слова». А бытующее в среде «неактуальной» творческой интеллигенции мнение, что сказать постмодернистам, на самом деле, нечего по причине лени и дурного воспитания удобнее всего игнорировать, поскольку такая точка зрения не получила освещения в СМИ, а для любителей «современного искусства» существует лишь то, о чём сообщили по телевизору.

Так начинавший с элитаризма постмодернизм стремится к своему логическому концу через дискредитацию себя посредством массовой культуры. Было время, если помните, когда курящая дама воспринималась носителем некой богемности и фрондёрства. Сейчас дымит любая базарная торговка, а уважающая себя женщина вряд ли потянется к сигарете. Нечто подобное происходит с постмодернизмом, уже потерявшим привлекательность новизны, но продолжающим нагло бравировать маргинальностью.

А мы, готовясь к наступлению эпохи, когда творчество и свободу духа вновь станут связывать с высокой культурой, будем твёрдо помнить: писатель не иначе вернёт себе права властителя дум и учителя общества, как обратившись к неукоснительному соблюдению своих обязанностей. Обязанности же его известны: стремление к прекрасному и постоянная, тяжкая, мучительная работа над словом, над образом, над собой.

*Игорь Карлов, г. Мапуту, Мозамбик,
лауреат всероссийской литературной
премии «Левша» им. Н. С. Лескова*

УРОК ЧЕТВЁРТЫЙ. О ВОЕННОЙ ТЕМАТИКЕ

Президент нашего многострадального государства и его неизменный спутник, премьер, шибко озабочены: что же им взять для основания национальной идеи?

И пока они вынашивают неоплодотворённую идею, со своими идеями приходят кривые зеркала, актеры всевозможных рангов, возмнившие себя оракулами, писатели и кинорежиссёры с фальшивками о прошлом нашей страны. Они-то и учат нас, как надо правильно жить, как готовить еду, как одеваться и разговаривать, забыть о героическом прошлом...

Рядом с глубоко задумавшимся президентом и премьером, в основе национальной идеи становятся люди, которые всю жизнь, как попугаи, произносили чужие, вымученные ими слова, измученные роскошью поп-дивы или дозволенный ими же молодежный стандарт с дешевыми попевками.

Зачем это я говорю? Вроде тема нашей дискуссии другая? Но все разговоры, какой бы темы они ни касались, сводятся к одному — куда мы идем, и кто нас ведет. И есть ли мессия?

Передо мной на столе лежит немного потрепанная, но в довольно сносном виде, книга рассказов для детей, выпущенная издательством «Детгиз» в 1958 году для начальной и средней школы. Небольшая книга, всего на двести страниц, называется «Солдатский подвиг».

Это одна из первых моих книжек, которую я прочитал самостоятельно, учась во втором классе. И вот, уже на протяжении более чем пятидесяти лет, книга рассказов для детей рядом со мной. Теперь её читают мои внуки.

Книга «Солдатский подвиг» составлена из рассказов советских писателей («...о незабываемых подвигах наших отважных воинов-патриотов. Все эти рассказы говорят о воле, мужестве и находчивости, о взаимной выручке, опыте, об отваге советских людей и их пламенной любви к Родине».

В далёком 1958 году, в пору счастливого детства, я не мог знать, что такое — «национальная идея», я просто с упоением и огромным интересом зачитывался рассказами советских писателей. Они, вместе с героями своих рассказов учили меня любить Родину.

С «Батальоном четверых» отважных моряков-черноморцев Леонида Соболева, я участвовал в ночном десанте. С отважной женщиной-штурманом спасал летчика и партизанский отряд в тылу у гитлеровцев в рассказе Михаила Водопьянова «Штурман Фрося». С шофером, героем рассказа Николая Тихонова «Руки», вёз на Ленинградский фронт горючее и в жестокий мороз, обжигая и обмораживая руки, несколько раз по дороге чеканил лопнувший шов цистерны.

Простое перечисление имен и фамилий авторов сборника рассказов «Солдатский подвиг» говорит о качестве и о серьёзности, с которой подходил союз писателей СССР к литературе для детей и юношества. Борис Полевой, Константин Федин, Ва-

лентин Катаев, Борис Лавренев, Яков Тайц, Лев Кассиль, Гавриил Троепольский, Николай Чуковский и другие.

В те годы, в силу своего несмышленного возраста, я не знал и даже не мог предполагать, в какой атмосфере создавали свои произведения советские писатели. Может быть, в те годы и принуждали авторов к осмотрительности, им приходилось идти на неизбежные уступки, но это уже было и время общественного духовного подъёма после XX съезда, когда писатели поверили в возможность прямого и честного творчества. И мне, мальчишке не было дела до того, кто из авторов сборника подписывал письма в ЦК с недоброжелательными отзывами на кого-то из своих коллег, я читал рассказы и верил в слова писателей, переживал и воевал с гитлеровцами вместе с героями. И, самое главное, они учили меня любить Родину, в которой я родился и живу.

Об отношении советской литературы к воспитанию подрастающего поколения очень правильно в 1943 году написал известный всему миру писатель А. Н. Толстой в статье «Книга для детей».

Вот эти слова. «Книга должна углублять в ребёнке любовь к Родине, она должна питать и развивать все наши национальные особенности. Ребенок должен впитывать в себя порами благословенный воздух Родины. Наши дети будут ходить по миру с гордо поднятой головой».

И ещё. «Я обращаюсь к советским, в первую голову, русским писателям — помогите нашим детям стать гордыми, культурными и сильными людьми».

Вот она национальная идея, вот то, что мы должны непременно взять из литературы советского периода — детская литература должна учить детей и юношество пламенной любви к Родине. И особенно, не забывать подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, великую и выстраданную Победу в крепком единстве всех народов нашей многонациональной Родины.

Вполне уместно напомнить в связи с этим и слова Роберта Рождественского:

*Только не забыть бы это,
Лишь бы не забыть.
Эта память — верьте, люди,—
Всей земле нужна.
Если мы войну забудем,
Вновь придет война.*

Нынешнее время называет и своих героев. Немало наших соотечественников полегло в боях локальных войн в последние десятилетия демократического периода. И молодежи есть, у кого учиться проявлению воли, взаимной выручке и любви к Родине.

А пример, как писать, тоже есть — это литература советских писателей о Великой Отечественной войне, которую можно поставить одним из краеугольных камней фундамента национальной идеи — пламенной любви к Родине.

Взял я себе за правило, читать о войне книги только советских писателей или авторов, которые пишут о войне не с чужих слов, а прошедшие все муки ада Отечественной.

Как пример, книга «Штрафбат в бою» (прошу не путать с телевизионной фальшивкой Э. Володарского и Н. Достая «Штрафбат»), автор которой А. В. Пыльцын прошел по дорогам войны от Белоруссии до Берлина командиром взвода и роты в 8-м Отдельном штрафном офицерском батальоне. Почему я выделил именно эту книгу? Приведу лишь слова автора из вступления, чтобы всё сразу стало ясно, как и зачем она написана.

«Только правильное освещение прошлого необходимо сегодня потому, что в наши дни речь идет не просто о просвещении людей. Время диктует крайнюю необходимость идеологической борьбы со всеми, кто стремится опорочить, запачкать, очер-

нить всю идеологическую, воспитательную работу, проведенную за годы советской власти, и которая привела народы Советского Союза к Великой Победе».

Но, к сожалению, пока наши дети учатся жизни на «Вредных советах» Г. Остера, а юношество на непонятных переводах книг о Гарри Поттере и на другой мистической литературе о вампирах и вурдалаках. В основном зарубежных писателей.

Специально просмотрел раздел журнала «Книжный мир» за 2012 год, в котором предлагается подписка детской литературы, поскольку являюсь членом Книжного клуба этого журнала. О многих хороших книгах для детей рассказывается в каждом номере журнала, но ни одной книги за год не предложено нашими издательствами с военной или патриотической тематикой.

В заключение моих рассуждений о том, что же следует взять из русской литературы советского периода для воспитания наших детей в патриотическом духе, хочу привести стихотворение замечательного современного русского поэта Николая Александровича Зиновьева, которое так и называется «Из детства».

*Воды и солнца тут без меры,
А сколько песен под баян
Здесь спето нами, пионерами,—
Детьми рабочих и крестьян.
Поем о Родине могучей,
О добрых, доблестных делах.
И развивается над кручей
Родной с рожденья красный флаг.*

*Сергей Лебедев, г. Тольятти, лауреат
всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова*

СОВЛИТ

Приступая к обсуждению уроков советской русской литературы, предложенному редакцией журнала «Приокские зори», сразу хочу обозначиться, что не являюсь ни литературоведом, ни, в силу занятости исполнением другой профессии, усердным потребителем художественной литературы. Вполне обыкновенный читатель, имеющий собственный избирательный вкус и предпочтения.

В силу возраста, довольно преклонного, читал книжки, в том числе и писателей советского периода, исправно выполнял указания по прочтению книг, предусмотренных школьной программой первого послевоенного десятилетия.

Всегда любил и люблю русскую литературу. Мой бог в литературе Чехов. Совершенно «безыдейный» писатель (см. воспоминания художника К. Коровина о нем). Люблю Бунина за потрясающую точность и образность слова. Достоевского за глубокий психологизм, позволяющий ему сочетать несочетаемое в человеке. Из писателей советского периода Ю. Нагибина, А. Солженицына (художественные вещи), М. Шолохова (рассказы и «Тихий Дон»), К. Симонова (произведения о войне), М. Булгакова, В. Аксенова...

Писателей «лихих» 90-х и «нулевых» годов кого-либо хотя бы с минимальной симпатией назвать не могу. Разве что Л. Улицкую (за хороший русский язык).

Вот таков вкратце мой читательский «багаж», имея который, могу высказать свое мнение о «четырёх уроках советской русской литературы».

Если под советской литературой понимать сугубо таковую, выполнявшую идеологический заказ, она не велика по объему в сравнении с той, которая в то время писалась на русском языке. В ней поучаствовали и те, кто был истинным мастером русского языка, не создавшие, тем не менее, шедевров, выполняя заказ (например, стихи о Сталине А. Ахматовой). Судить о языковых и художественных достоинствах «заказной» литературы не могу, потому что не читал — С. Бабаевского, В. Кочетова — имена слышал. Потому что, как поклонник Чехова, отдавал предпочтение «безыдейным» писателям. Писатель, мое глубокое убеждение, должен быть безыдейным. Тогда у него есть шанс остаться надолго в памяти читающей публики. Достаточно вспомнить читательскую судьбу идейных писателей. Умерла идея, вместе с ней умирают идейные творения.

Для меня советская русская литература — перечисленные выше писатели, которые жили и писали в советский отрезок отечественной истории.

Урок первый — «советская литература была интернациональной». Любая высокохудожественная литература — интернациональна. Принадлежит всем нациям. Читается всеми народами. Советская власть сыграла большую положительную роль сначала в приобщении народов, населявших окраины СССР, к культуре, грамотности. А потом к литературе. Из тех, кого знаю, читал — Ч. Айтматов, О. Сулейменов.

Урок второй — «советская литература выражено бесклассовая». Извините. Рабочий класс признавался и был гегемоном в тогдашнем обществе. Главенствовал как герой в советской русской литературе. «Дни Турбиных» (правда, знаю только по одноименному кинофильму. Не читал, о художественных достоинствах судить не могу). Читал о творческих командировках писателей на заводы и фабрики, дабы художественно отобразить будни рабочего класса. Меньше было литературы о крестьянах — колхозных, почитаемый класс. Прорывались к читателю редкие произведения об интеллигенции — В. Дудинцев, И. Грекова... Но то были единицы, печатались лишь в журналах и отдельной книгой, кажется, в те времена не выходили.

Урок третий — «народность русской литературы». Умышленно или нет — пропущено слово советской. Будем считать, что случайно. Здесь невозможно не согласиться. Вот где преемство русской классической и советской литератур выразилось в полной мере. Начиная с «Записок ружейного охотника» И. С. Тургенева, народ, простой русский человек становится героем русской литературы. И далее — он главный ее герой. Советская русская литература не исключение. Лучшие ее «безыдейные» образцы высоко художественны. Мне почему-то кажется, что деление на советскую русскую и просто русскую литературу несколько искусственно и предвзято. Может быть, лучше — партийная и беспартийная русская литература. Партийная — уходит вместе с уходом партий. Беспартийная — остается навсегда. (Кто сейчас, кроме филологов и литературоведов, читает «партийные» стихи такого гениального поэта, как В. Маяковский? Идеологии нет, и качество их ниже среднего). Наш главный редактор «Приокских зорь» прав, когда пишет, что литература 90-х и нулевых находится в глубоком моральном кризисе. Уместна цитата — «страшно далека она от народа». Кому нужна такая литература? Кому-то нужна.

Урок четвертый — «военная тематика в советской литературе была поднята на невероятную высоту». Не могу достоверно судить о зарубежной литературе, но мне кажется, что ни одна другая, кроме русской, не создала величайших произведений — не только литературы, но и музыки, поэзии, кино. Были созданы шедевры. Так и хочется сказать: «Вы, нынешние, — ну-тка?» Как глубоко были прочувствованы трагедия и беда народа, необходимость единения и взаимопомощи, героизма и самопожертвования. С каким высочайшим искусством все это было воплощено. Теперь этого нет. И повторить это невозможно. Когда думаю об этом величайшем периоде в

истории народа, в истории литературы и искусства, на память приходит житейский опыт, пережитый в молодости. Помню, какое глубокое «чувство локтя» было в туристских походах. Почти «по-д'артаньяновски» — один за всех и все за одного. Какие песни пели у костра! А дальше, по окончании похода — как поется у Визбора — «наденем фраки и закружимся в судьбе». Сейчас во фраках и без, в телогрейках, каждый сам по себе. И в это время великих произведений о великих эмоциях, чувствах, страстях, подвигах — ждать не приходится. Другие времена, другие песни. Найдут ли писатели о чем писать, чтобы взять «за сердце» читателя? Чтоб «чувства добрые лирой пробуждать»? Есть вечные темы — любовь, страх, зависть, вероломство — далее по списку. Как они «реализуются» современным человеком — индивидуалистом, карьеристом, растяпой, мизантропом — далее по списку. Писать всегда есть о чем. Все зависит от таланта писателя. Дай Бог ему, талантливому писателю, удачи.

Дополнение к сказанному выше...

После предложения обсудить «что нам взять из русской литературы советского периода» появление в колонке главного редактора № 4, 2012 г. «ПЗ» новой темы для дискуссии «постлитературный период жизни человечества» показалось несколько неожиданным. «Постлитературный период (тем более) человечества», согласитесь, уважаемый Алексей Афанасьевич, звучит несколько апокалиптически — типа (как говорит современная молодежь) литература кончилась, приказала долго жить. Тем не менее, богатое содержание колонки дает возможность поразмышлять о некоторых высказанных ее автором соображениях.

Обозначу сразу свою позицию — дилетант в литературе и оптимист во взгляде на ее будущее. Вы порицаете групповщину в литературе как тормоз в развитии литературы последних десятилетий. Она, групповщина, всегда была. В XIX веке тоже. Кто-то группировался вокруг пушкинского «Современника». Кто-то (позднее) вокруг Булгарина, Суворина и др. Потом были Андрей Белый, акмеисты, имажинисты и т.д.

Что сейчас? Толстые литературные журналы, которые не пускают в свои недра «не своих». Приходилось слышать и не от одной редакции — «не подходит» (по тексту замечаний не было). Препятствует это развитию литературного процесса? Думаю, да. Однако примеров много тому. Наиболее уверенные в себе (или настырные, или талантливые), переходя от одной редакции к другой, все-таки выходили в большую литературу.

Думаю, что появление такого журнала, как «Приокские зори», закономерное и символическое явление. Альтернатива «толстякам», которые все больше «жиреют», ходят по кругу, вода за собой только «своих».

Ваш журнал дал шанс дилетантам. Как жаль, что в Ваш список «дилетантов» — Толстой, Салтыков-Щедрин, Гончаров, наш «небесный покровитель» Гавриил Державин... не включили Вы обожаемого мною Чехова. Вот истинный «дилетант». Рано получивший признание в литературе, он не бросал медицину. Скорее готов был бросить литературу. Достаточно вспомнить, как активно он включился в борьбу с эпидемией холеры в лопасневском уезде. «Пока я служу в земстве (как врач — Р.А.) не считайте меня литератором», — пишет он своему издателю Суворину. Только туберкулез заставил его прекратить врачевание в последний период его жизни.

На мой взгляд, очевидное явление, когда за перо берутся и ищут выход к читателю дилетанты. В своей среде лично знаю с пяток профессоров медицины, активно пишущих и порой печатающихся в различных литературных изданиях — маломасштабных, с сотенными тиражами, которых стало довольно много. Один из них создал интернет-издание, где печатается сам и создал вокруг него обширный круг пишущих.

В чем некоторое преимущество сих «дилетантов»? У них есть кусок хлеба, на который они зарабатывают исполнением своей основной профессии, что делает мало

зависимыми от литературного заработка. А стало быть, от «политики» главреда. Это своеобразные «дворяне», которые имели досуг и финансовую независимость, позволявшую им без заботы о хлебе насущном предаваться литературному творчеству. Как им — писателям-дворянам — завидовал белой завистью Чехов, говоря, что им, «безлошадным» разночинным писателям, лучшие годы, которые бы могли быть отданы творчеству, пришлось потратить на обретение мало-мальски приемлемого существования.

Итак, дилетанты — истинные и «условные», согласитесь, уважаемый Алексей Афанасьевич, создали великую русскую литературу.

Может быть, и теперешние дилетанты не дадут ей, великой, русской — кануть в Лету, не наступит постлитературный период.

*Рудольф Артамонов, г. Москва, профессор,
лауреат всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н.С.Лескова*

«ВСЕ ЭТО БЫЛО БЫ СМЕШНО, КОГДА БЫ...»

Казалось бы, ну о чем тут вообще говорить? Ведь любому мало-мальски разумному человеку и так все ясно! Ан нет. Получается, что далеко не любому и отнюдь не ясно. И ежели с упорством, достойным лучшего применения, на всех углах оспаривать очевидное, возводя при этом в ранг истины заведомый абсурд, непременно отыщется благодарная аудитория, и соратники верные обязательно появятся. Примеров тому достаточно. И в прошлом, и в настоящем. Оттого разговор наш неспральный и весьма серьезный.

Лет пять тому назад, будучи в отпуске, я оказался в одном из райцентров Ленинградской области, куда заехал ненадолго навестить родственников и друзей. Проходя как-то мимо газетного киоска я увидел на прилавке номер «Литературки», узнав, что он свежий, приобрел, ну и отправился восвояси знакомиться с его содержанием. Примерно через неделю, следуя тем же маршрутом, я попытался вновь купить эту всегда интересную для меня газету, к которой в далекие 70-е приобщил меня отец, бывший её постоянным читателем. Продавщица в ответ посмотрела на меня несколько непонимающе, но через мгновение в двух словах растолковала, что я был единственным, кто за последние полгода приобрел номер этой газеты, и, что менеджеры местного агентства по распространению печатных изданий перестали её заказывать. Вот так.

Примечательно, что аналогичная ситуация сложилась и у нас в Мончегорске. С той лишь разницей, что несколько номеров, поступающих в продажу, киоскеры даже на прилавок не выставляли, придерживая их для постоянных покупателей. Комментарии, сами понимаете, излишни. За прошедшие годы ситуация только усугубилась. И уж если мобильная по сути своей печатная периодика уступила информационное пространство электронным СМИ и масс-медиа, то о традиционных литературных изданиях и говорить не приходится. Объяснений этому найдется немало, но главное — очень уж легко и просто вещать в электронном виде. Сам себе редактор, издатель и прочая. Вышел в интернет и поливай! И аудитория-то неограниченная! А с традиционной книгой возни не оберешься, и с изданием, и с продажей.

Оно бы и ладно. Мы же не противники технического прогресса. Беда только в том, что современные информационные системы пока не столько помогают пользователю (а это, прежде всего, человек молодой и даже очень молодой), знакомиться с лучшими произведениями отечественной и мировой литературы, сколько уводят его в противоположную сторону, в мир литературных поделок, более подходящих на комиксы, инспирированных буйной фантазией полуграмотных авторов. Такого рода

чтиво всегда в выигрыше перед серьезной литературой — думать не надо, а думать — всегда трудно и не всегда для некоторых благодарно. К тому же появляется несчетное количество демагогов, чуть что — затевающих бесконечные споры на тему «что есть литература серьезная, а что — нет?» И где они, критерии и т.д. и т.п.

Данная ситуация наиболее угрожающа, если не гибельна, для классической литературы, и вообще для литературы реализма. Во-первых, классика — и русская XIX—XX вв., и советского периода (да и вообще — любая) — ни при каких обстоятельствах не относится к явлениям массовой культуры и поэтому не может быть использована для достижения коммерческой выгоды т.е. финансового успеха. И шоу особенного на такую тему не устроишь. Если так, то зачем вообще о ней толковать? Есть нынче такое модное понятие «не формат». Объясняет все, что угодно, в смысле — понимай как знаешь. Да и не интересуется инициаторов разговоров о советской литературе, ежели таковые все-таки находятся, исследование сути явления. Большинству требуется взбудоражить аудиторию, устроить скандалчик, повысить собственный рейтинг, а следовательно — доход. Все просто в мире капитала. Во-вторых, жизненные коллизии, художественно раскрытые в классических произведениях инвариантны для любой эпохи, а значит, и в наше время эти произведения актуальности своей не утрачивают. И с ними приходится считаться, а это раздражает, ибо нужно либо создавать нечто с классикой сравнимое по уровню либо искать свои пути, свой стиль, почерк, либо «заткнуть фонтан», как предлагал Козьма Прутков. А как хочется быть властителем дум!!! Кстати, исследовать классику в качестве критика и литературоведа тоже очень кропотливое, трудоемкое и не приносящее прибыли в денежном выражении занятие. Проще сделать по-иному: объявив классику замшелым анахронизмом, углубиться, как вариант, в постмодернистские красоты, пересыпая их матерком, и прослыть экстравагантным эпатажным гением. И ведь сей процесс не вхолостую идет, он «поставлен на широкую ногу капиталистического гешефта». А именно — деньги каплют регулярно. А вы, батенька, о какой-то там классике! Ну и, в-третьих, не перевелись еще в странах «цивилизованных» богатыри мысли и духа, коим русская самобытная культура, и литература в частности — бельмо на глазу. И духовный “*Drang nach Osten*” идет непрерывно. В свете перечисленного (перечень далеко не полон, упаси Бог!) прежде всего под удар попадает именно русская литература советского периода. Уж больно она с виду уязвима и по статусу и по цвету, да и далеко ходить не надо. Вот она, на расстоянии вытянутой руки. Бери с полки и кромсай. А еще лучше, не вдаваясь в подробности, объявить, мол, на помойку ее! Все, дескать, по партийной указке делалось и под контролем известных органов. Чего там обсуждать, за редкими исключениями, только подтверждающими наши закономерные выводы. И тишина.

Начнем с того, что русская литература советского периода совершенно не нуждается в идеализации. Как всякое глобальное культурное явление она очень сложна, неоднозначна и неоднородна. Однако откровенное её шельмование, объявление сплошь «заказной» и подконтрольной официальной власти и, следовательно, не играющей в культурогенезе какой бы то ни было существенной роли, не выдерживает критики. Достаточно назвать трех нобелевских лауреатов и созданные ими произведения, что бы разом покончить с подобными рассуждениями. Ведь Пастернак, Шолохов и Солженицын не возникли из воздуха среди литературной пустыни. Отрицать их принадлежность к русской литературе советского периода не возьмется даже самый оголтелый новатор. К тому же, с учетом Бунина и Бродского, достижения отечественной литературы еще более весомы. И как после этого возможно рассуждать о незначительности русской классической и советской литературы? Я намеренно использовал в аргументации только нобелевские достижения наших писателей и по-

этов, поскольку они и для зарубежных оппонентов бесспорны, и своих демагогов-софистов лишают возможности очередного «ниспровержения». Все! Русская литература советского периода — явление мирового масштаба, объективно состоявшееся и не подвергаемое сомнению. Значит «сбросить Пушкина с корабля истории» не удастся никому, сколь ни старайся. Иное дело, насколько русская советская литература будет интересна «поколению младому, незнакомому»? Ведь разговоры разговорами, но самые убедительные аргументы в любом споре на заданную тему произведения, созданные советскими писателями и поэтами. Будут их читать? Да и вообще знать о них, хоть понаслышке? Прав уважаемый главный редактор, когда говорит об избирательном упоминании в СМИ «дозволенных имен», А остальные, они что, не настоящие? Или не стоят нашего внимания и внимания потомков Артем Веселый, Леонид Леонов, Николай Клюев, Павел Васильев, Юрий Кузнецов, Ольга Фокина, Анатолий Передреев, Юрий Казаков, Борис Примеров, Мария Петровых, Всеволод Иванов, Всеволод Кочетов, Константин Федин, Алексей Прасолов, Владимир Соколов, Леонид Губанов, Виктор Некрасов, Федор Абрамов, Василий Белов, Сергей Залыгин, Виктор Астафьев, Петр Проскурин, Виталий Маслов и многие, многие, многие замечательные писатели и поэты советской поры? Мощнейшие по масштабу дарования и созданным произведениям. И ведь что примечательно, когда начинаешь всерьез, ближе и подробнее знакомится с творчеством того или иного представителя советской литературы, идеологическая составляющая (а таковая несомненно присутствует, никуда не деться от общества в котором живешь) постепенно становится незначительной и отходит на второй план. А на первый выходят чисто литературные достоинства и недостатки конкретного произведения. И ты шаг за шагом изучаешь творческую эволюцию автора, рост его профессионального мастерства, смену, может быть, неких жизненных ориентиров, корректировку приоритетов. А это на самом деле интересно. Я, помнится, был поражен, когда после «Журбиных» и «Братьев Ершовых», написанных Всеволодом Кочетовым живо и увлекательно, прочел его последний роман «Чего же ты хочешь?», книгу в начале 80-х довольно редкую. Если честно я не узнал автора совершенно, почувствовав его усталость и, если хотите, разочарование, возможно, в том, что он делал доселе. А идеология? В конце концов, именно к советской литературе как нельзя лучше относятся строки Глеба Горбовского: «...Все перемелется, Энгельс и Маркс, Черчилль и Рузвельт, останется Русь». Обидно, если наши дети так никогда и не узнают, какая она была, «Россия, кровью умытая»? И что за чудо «Осень в дубовых лесах»? Не почувствуют эпического трагизма «Соляного бунта» и «Канунов», не поймут, не ощутят каково приходилось их дедам и прадедам «В окопах Сталинграда». Не оценят «Крутую дресву» и «Разлом». Вот именно это и станет настоящей трагедией. К сожалению одними техническими средствами подобные проблемы не решаются. Электронные библиотеки это очень здорово, но ведь интерес читательский, неподдельный они не создают. Преемственность культурной традиции необходима. Тут требуется отдельный разговор, выходящий за рамки нашего сегодняшнего.

Ну, а сегодня — что дальше-то? А дальше следует заметить, что мы приблизились к вопросу о том, что нам взять на вооружение «из арсенала русской литературы советского периода»? Абсурдность данного вопроса очевидна. Только начни мы отделять «злаки от плевел», как тут же и закончим, точнее — запутаемся и погрязнем в собственных бесплодных выкрутасах. Поскольку при всей сложности и неоднозначности, и даже, если угодно, при всей разнонаправленности советской литературы, хирургическое вмешательство при её изучении не принесет ничего, кроме вреда. Только постижение явления во всем многообразии может дать нам представление о его сути, поможет оценить масштаб и значение для современников и будущих поко-

лений. Да и как вести отбор? И кто возьмет на себя сию напрасную миссию? Как определить систему отбора, сиречь — критерии? Ладно, предположим, что и критерии мы определили. Но тогда неизбежно придется, ничтоже сумняшеся, препарировать не только советскую литературу в целом, но и творчество каждого писателя, делая невозможным целостное восприятие его творчества. Ну, например, у Шолохова пришлось бы «Донские рассказы» в одну корзину определить, «Тихий Дон», понятное дело, особая статья. А для «Поднятой целины» еще одну емкость подыскать. И остальное растасовать в три группы. (А еще пронзительное шолоховское слово о Великой нашей войне!!!) И определить — вот это достойно внимания будущих поколений, а вот это — следует похерить и забыть навсегда. На выходе получаем неопределенной формы обрубок, не дающий никакого понятия о сути явления, в данном случае о творчестве писателя. Нонсенс. Ибо, повторяю, при анализе произведений советской литературы, идеологию необходимо отнести к вторичным признакам, на первое место выдвинув их художественные достоинства, актуальность темы, степень её раскрытия, особенности стиля, языка. Демагогия так называемых «антисталинистов» и всех иже с ними, кричащих о заказном характере советской литературы, о полной подконтрольности партийным органам литераторов той поры, «загнанных» в строй Союза писателей СССР, уводит нас от темы собственно литературы. Равно как и некритичное восхваление и возведение в абсолют, дескать, вот только тогда и было настоящее творчество, а сейчас... Вынужден еще раз сказать, русская литература советского периода не нуждается в идеализации, ведущей к превращению её в некую незыблемость, лишённую в конечном итоге права на жизнь. Вся прелесть этой литературы в сложности и многообразии, требующих по-настоящему научного аналитического подхода, серьезного и постоянного литературоведческого исследования, взвешенного и объективного. Просто это? Нет, это совсем непросто! Ведь серьезная критика и литературоведение также испытывают жесткий системный кризис. Но сие не означает, что мы должны нарвать из советской литературы нужных нам лоскутов и выбросить остатки на помойку. Итак, берем с собой все. Изучаем, разбираемся, оцениваем. И, помилуй Господи, просто-напросто читаем, не лишая себя собственной истории. Непозволительная это роскошь, точнее дурь, страшнее иной смертельной ошибки. И еще хотелось бы заметить, что пресловутый троцкистско-авербаховский РАПП был упразднен по инициативе того же Сталина. И очень вовремя. Этот шаг диктатора, кстати, вызвал живейшее одобрение не только в литературных, но и в театральном кругу. Например, во МХАТе, по свидетельству очевидца, «... все обнимались и поздравляли друг друга...» Доставалось, видимо, и очень жестоко доставалось писателям тех лет от рапповцев, коим даже Михаил Пришвин казался вредным и опасным. А создание такого творческого объединения, как Союз писателей СССР, и призвание из-за рубежа Алексея Максимовича Горького, шаг вполне понятный и по всем статьям для Сталина логичный. Подконтрольность творчества? Конечно. Но прежде всего в плане информативности, ибо знать, что творится в среде творческой, Сталину было просто необходимо. Это же единоличный хозяин всей страны, творец империи. Оттого-то и учреждение Союза писателей — шаг все-таки в целом созидательный, а никак не деструктивный. Особенно в сравнении с такими формированиями как РАПП и ЛЕФ.

К сожалению или к счастью, но публичные (и не столь уж частые) споры о судьбах отечественной литературы, в том числе советского периода, не «опускаются», за редчайшими исключениями, до таких тонкостей как обсуждение творческих методов создания литературных произведений. У нас ведь в определенном смысле и здесь анархия. Мне приходилось слышать залихватские сентенции, мол, да какие там методы? Не столь они важны! Главное, чтобы читатель клюнул!! А реализм или модер-

низм или другой возможный «...изм» — несущественно. Подобное безграмотное неуважение к творческому методу тоже явление времени. Не столь уж невинное явление. Важно ведь не только «что писать», точнее «о чем писать», но и «как писать». Конечно, большинству читателей нет никакого дела до творческого метода, оно и понятно. Но для нас-то данная тема, ох, как не безразлична! Тем более разговор о социалистическом реализме, являющийся по мнению уважаемого главного редактора, «дальнейшим развитием критического реализма», присущего классической русской литературе.

А ведь это вопрос! Я бы не взял на себя смелость, делать подобные заявления. Отчего? Да оттого, что считаю соцреализм, возникший, несомненно, на базе критического, творческим методом, не всегда и не вполне эту самую реальность отражающим. Или отражающим в искаженном свете, под нужным углом, а также, что, кстати, характерно и для советской историографии, помогающим и дающим право авторам говорить не всю правду, а давать её дозировано, все недосказанное превращая либо в мифологему, либо в несуществующее. И тут уже без партийной идеологии не обойдешься. Не упоминать о ней нельзя! Но так ли это? Возможно, я ошибаюсь? Предлагаю опереться не на теоретические выкладки, а на конкретные примеры. Их, конечно, тьма тьмущая, но конкретика нагляднее.

Самого беглого взгляда достаточно, дабы понять, что соцреализм в нашей литературе возобладал не сразу. Да и не все авторы им пользовались искренне и полностью. Тот же «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова отнести к соцреализму, помоему, еще нельзя. Это очень самобытная повесть молодого тогда автора, прошедшего Гражданскую войну и передавшего в оригинальной, я бы даже сказал, уникальной, хоть и довольно смятенной, манере свои ощущения и свою память о той жуткой, но для него, несомненно, и прекрасной поре. По прочтении книги остается ощущение, что автор сам пока не очень-то отчетливо представляет характер произошедшего, ибо в повествовании эмоции являются инструментом передачи содержания самих событий. И «Ташкент — город хлебный» Александра Неворова едва ли вполне сложившийся соцреализм. А вот «Железный поток», где, по словам Серафимовича, он стремился отразить «...правду не фотографическую, а синтетическую, обобщенную», уже к означенному методу гораздо ближе. И правда там односторонняя, ибо нет в романе цельной картины трагедии всего русского народа и в том числе казачества, независимо от принадлежности к «белым», «красным», и быть не может. А есть весьма разношерстное по составу, практически люмпенизированное, деморализованное жуткими трудностями и лишениями войны околовоеинское формирование, в реальности именовавшееся Таманской армией, и предводитель Кожух, наполовину красный генерал Гош, наполовину Ксенофонт того же цвета, носитель единственно верного знания, что нужно делать. Безусловно, Таманской армии и оставалось только «иттить». Но кто сказал, что её анабазис описан правдиво? Сам Серафимович был, с позволения сказать, чрезмерно «прогрессивен» смолоду, да и сын его — комиссар Красной Армии в Гражданскую. Новой власти нужны были, как воздух, новые герои, и они были миру предъявлены. Вот и получается — «Старый мир из жизни вырос, развевайте мертвое в дым!» — непреложное правило тех лет, коснувшееся и литературного творчества, и прочно в литературе на долгие годы обосновавшееся. Опять-таки «кто не с нами, тот против нас». И третьего не дано. Но вспомним, что даже у витязя на распутье было на выбор три пути. А в соцреализме, указывающем, как нас учили, конструктивный способ и средства разрешения описываемых в произведении коллизий, только два, причем второй всегда неправильный и вредный. А разве не так? А разве «Тихий Дон» Шолохова при всех его бесспорных и гениальных литературных достоинствах, по большому счету правдив и объективен? И близко не было. Да, это

глобальное повествование, созданное талантливейшим писателем на реальной исторической канве. Ну, а в конкретике читателю откровенно навязана большевистская псевдогероика и воплощающие её в жизнь Штокманы, Бунчуки, Кошевые, и прочая, и прочая, и на вершине — Подтелков и Кривошлыков, готовые лить кровь народную до полной победы революции, готовые на любое злодеяние и погибшие довольно бесславно. Вопрос: почему читатель должен этому верить? Если на самом деле история протекала с точностью до наоборот? А самым большим «подвигом» ничтожества, именуемого Мишкой Кошевым, являются убийство деда Гришаки и «казнь» Петра Мелехова. Но как отвратителен автору полярный персонаж — Митька Коршунов, ставший олицетворением всего «белого» казачества, воплощенном в одной фразе: «Давай, я стрельну...» Кстати, судьба Григория Мелехова тоже отнюдь не во всем показательна. Ибо по окончании гражданской войны бывшие «красные казаки» стали поднимать восстания против советской власти, окончательно замордовавшей жителей Дона, и не только продрозверсткой и прочими зверствами. Я уже не говорю о том, что крестьянские восстания начались раньше и полыхали дольше. Одна русская Вандея — Тамбовская губерния чего стоила. Конечно, личная трагедия главных героев эпопеи показана не просто мастерски, а действительно гениально! Но ведь трагедия как «тихого Дона», так и всей России этим не исчерпывалась! Идеологическая же окраска произведения сомнений не вызывает. А вершина шолоховского соцреализма, несомненно, — «Поднятая целина». И вновь оговорюсь — у романа немало чисто литературных достоинств: от описаний природы до характерных типажей, подобных деду Щукарю, и жанровых сцен. Но мы сейчас о другом. О трагедии русского народа. О геноциде русских в процессе раскулачивания и коллективизации. О жутком преступлении коммунистической власти в отношении России. А разве роман в этом смысле объективен? Ничуть не бывало. Давыдов, Нагульнов, Разметнов — богатыри духа, хоть порой с перехлестами и недостатками; Половцев, Островнов, Тимоха Рваный, Лягьевский — отрепье и ничтожество, мешающее народу строить «новую» жизнь, и сметаемое с лица земли самим ходом истории. И «никаких гвоздей!» Только так и никак иначе! Тем не менее, читать роман интересно! Язык живой! Вот где скрыта громаднейшая трагедия таланта Михаила Шолохова! Трагедия всей жизни этого выдающегося художника, кстати, в письмах Сталину живописавшего порой совсем другие, нежели в «Поднятой целине», подробности «новой» жизни. Да и какая «целина» оказалась «поднятой» на самом деле? Сплошь и рядом истребление народа, уничтожение не кулаков, а всего крестьянства, настоящего, трудового — истинной элиты российской. Я не собирался и не собираюсь ставить под сомнение ни гений Шолохова, ни масштабность и значимость его творений. Но вместе с тем я глубоко убежден в следующем: изучение творчества любого большого художника должно быть всесторонним и нелицеприятным. Человеку свойственно ошибаться. И гению тоже. Другое дело, что ошибки гения могут быть тоже гениальны.

А теперь давайте обратим взор на совершенно иные произведения. На «Кануны» Василия Белова, например. Можно ли называть этот великолепный роман, как, впрочем, и все творчество мастера, социалистическим реализмом? А произведения Виктора Астафьева, начиная с «Кражи»? А «Пряслины» Федора Абрамова? А все, созданное Валентином Распутиным? Я уже не говорю о Шаламове и раннем Солженицыне. И, если это тоже соцреализм, то определение сие никоим образом не функционально, ибо трактуется слишком широко. Нельзя же определить, что соцреализм — это все написанное в эпоху СССР! Сами авторы порой ухитрялись в одном произведении быть абсолютно разными, являя читателю то истинную заботу о будущем родной земли, то потрясающие примеры мракобесия. Яркий пример — «Память» Владимира Чивилихина. Когда автор повествует о сохранении русского исторического наследия, как

то храм Параскевы Пятницы в Чернигове или малоизвестные страницы судеб декабристов, находившихся в ссылке от Михаила Лунина до Павла Выгодского — это действительно впечатляет. Опять-таки именно из «Памяти», прочтенной в юности, я узнал об Александре Полежаеве и Владимире Соколовском, наглухо забытых в XX веке. Но когда начинается откровенное шельмование и довольно безграмотное, огульное оплевывание Льва Гумилева и его теории этногенеза, от возникшей было симпатии к автору и даже уважения не остается и следа. Во гневе праведном обличитель, будучи дилетантом в истории, обвиняет оппонента в лженаучной ереси, исходящей из «географического детерминизма» Монтескье; по всей видимости, не прочитав толком ни одной книги Гумилева-сына. Даже в те далекие годы при первом знакомстве с романом читать эту отповедь было очень неприятно. А уж ознакомившись с трудами и жизнью Льва Николаевича, я тем более считаю клевету Чивилихина абсолютно неприемлемой и в человеческом, и в литературном аспекте. Но в целом, если вдуматься, для самого автора все очень логично. Гумилев никоим образом не вписывался в советскую действительность, вот его и следовало охаять. Это ведь тоже черта соцреализма — этакий объективный, якобы, подход. Показаны и положительные, и отрицательные явления жизни, во всем их многообразии и взаимосвязи. Замешан где-то божий дар с яичницей? Не беда. Сойдет. Главное — вернуть линию соблостности. К счастью, подобным образом рассуждать и писать могли далеко не все. Вот и получалось изначально, что как творческий метод, соцреализм весьма сложен, неоднозначен, а для многих мастеров слова просто инструмент обхода цензуры. Спорно? Конечно же, спорно! Так ведь у нас же дискуссионное обсуждение. И я ни в коем случае не хочу что-либо и кого бы то ни было ниспровергать. И абсолютно согласен с автором очерка, когда он говорит, что Гладков, Кочетов, Шагинян и многие другие советские писатели и поэты творили по велению души. И вообще, что было — было. Давайте относиться к прошлому внимательно и с пониманием. Однако с пониманием и подразумевает разностороннюю оценку. А не пустое прославление или полное отрицание вне исторического контекста.

В этой связи очень интересными мне показались обобщения в виде «четырех уроков советской литературы». Хочу кратко на них остановиться.

Относительно первого урока, а именно интернационального характера советской литературы «по определению, соцзаказу и внутренним убеждениям писателей» возражений нет и быть не может. Но от использования терминологии советской поры в наше время я бы воздержался. Уважаемый главный редактор выражает вполне понятную мысль, противопоставляя определение «писатель-интернационалист» всевозможным проявлениям ксенофобии в литературе, и, конечно же, в общественной жизни страны. А разве ксенофобия когда-нибудь являлась чертой русского характера? По-моему, наоборот, русскому народу ксенофобия во всех её видах была абсолютно чуждой! Именно поэтому Россия никогда не была колониальной державой, освоив громадные территории за Уралом вплоть до Аляски и Калифорнии без кровопролития и геноцида народов, их населяющих. Уж если кто на ниве ксенофобии и преуспел, так в первую очередь романо-германский суперэтнос, о чем и сказал напрямую Шпенглер в «Закате Европы». Понятие же «интернационалиста» со времен Гражданской войны оставило о себе России жуткую и кровавую память, ибо именно интернациональные отряды в ту пору действовали с особой жестокостью по отношению не только к «белогвардейцам», но и к мирному населению. И продолжали выполнять свои палаческие функции в начале 20-х годов в составе Частей особого назначения, сокращенно ЧОН, действия которых были направлены, прежде всего, против русских, хоть и не только. Яркий пример — «чоновец» Аркадий Гайдар в Хакасии. Оттого-то и неприемлемо для меня определение «интернационалист». Вместе с

тем считаю преступным любой розыгрыш «национальной карты», не приносящий народам ничего, кроме новых страданий и кровопролития. Повторяю — ксенофобия явление не русское!!! Но никто не лишит нас права гордиться тем, что ты русский, гордиться Россией.

Декларированная во втором уроке бесклассовость советской литературы также является очевидной. Особенно, если принять во внимание то беспримерное кровавое упорство, с каким советская власть эти самые классы уничтожала до полного искоренения. И преуспела в этом. Какие уж тут могут быть классы. Согласен, что разделение на рабочих, крестьян и интеллигенцию — не более чем условность. И с утверждением об отсутствии классового разделения в современном российском обществе согласен. И с тем, что «крики» в СМИ о существовании пресловутого «среднего» и прочих классов России сегодня — просто очередная мифологема. Группы, группировки, социально-экономические, финансово-промышленные или какие-то еще, да, они есть. А классов нет и не может быть. Класс должен обладать кроме всего прочего поведенческими традициями, которые обусловлены общими принципами психологии и морали. А для их формирования необходимы, как минимум, историческое время и благоприятные условия. Но и при отсутствии сложившихся в обществе классов несомненно утверждение о «художественном воплощении позитивного и негативного в рамках (христианской в своей основе) морали» для современной литературы. Но ведь это урок-то классической русской литературы, а не собственно советской! В русской литературе советского периода данный творческий метод применялся широко, только не всегда искренне.

Третий урок — «о народности русской литературы периода соцреализма». Да, эта литература для народа и о народе. Народ — главный герой советской литературы. И вот здесь считаю любые «но» и «однако» неуместными. Точнее — третьестепенными. И лучшие произведения современной литературы ведь тоже обладают качеством «народности». Опасность негативного влияния на широкие читательские круги «компьютерного чтения» от «фэнтэзи» из разряда «что хочу, то и ворочу», и бульварных детективчиков с мелодраматическими инспирациями до поверхностных «философических» компиляций, вполне понятно, существует. И все-таки есть надежда, что истинное художественное слово своего значения не потеряет. Ведь именно оно и является отражением нашей жизни, человеческой души, разума и даже безумия.

Четвертый урок о высочайшем уровне советской военной художественной литературы также бесспорен. Произведения авторов-фронтовиков сегодня, без преувеличения, бесценны.

Они во многом очень разные, но одинаковы в главном — в описании величайшей трагедии и величайшего подвига народа, уничтожившего фашизм, в рассказе о человеческих впечатлениях и ощущениях на войне, о чудовищной природе и злодеяниях войны, которая не должна повториться. Да, по прошествии времени все видится и воспринимается во многом иначе. Но разве могут и сегодня кого-то «не зацепить» такие, например, строки: «В красном сне, в красном сне, в красном сне бегут солдаты, те, с которыми когда-то был убит я на войне» или «Я убит подо Ржевом...»? Сейчас писать о войне невероятно трудно. Причин тому немало. Главная пожалуй состоит в сложности формирования исторически сбалансированного, объективного взгляда на Великую Отечественную войну, как, впрочем, и на любые иные войны и конфликты, в которых участвовал русский солдат. Но неизменным остается беспримерный народный героизм, не показной, не лубочный, сопряженный с великими жертвами и великой любовью к родной земле.

Непрофессиональные, как правило, попытки пересмотра результатов Великой Отечественной на руку именно «нашим злейшим друзьям», пытающимся навязать России

западноевропейские стандарты жизни и мышления. Но это проявления извечного «*Drang nah Osten*» и наивно было бы ожидать от «мистеров и сэров» чего-то иного.

Итак, безоглядная хула, равно как и хвала, бесперспективны, ибо не дают возможности объективной оценки любого явления. А значит — не позволяют определить его значение в жизни отдельных людей, а также народа и страны в целом. И нам нельзя быть столь беспечными и расточительными по отношению к русской советской литературе. О ней можно и нужно спорить, её необходимо изучать и просто читать, её обязательно нужно уважать и ценить. Иначе мы вновь наступим на канонические «грабли», отказавшись от значительной части своего же культурно-исторического наследия. И никакое это не «смелое новаторство» получится, а непоправимая ошибка, граничащая с преступлением против будущего. Вот это действительно страшно. Жаль только, не всем и не всегда понятно. Аберрация близости, знаете ли, штука коварная. И очень часто благодаря ей сиюминутное представляется вечным. Но разрушение никогда и никому не приносило пользы, не говоря уже о счастье.

И еще одна реплика. Попытку Минобрнауки объявить Литературный институт «неэффективным» считаю открытой диверсией, направленной против отечественной культуры. И не столь важно, что явилось причиной этого шага. Да что бы ни было, чиновное ли головотяпство, интерес ли некоего олигарха заполучить здание института в личную собственность или нечто иное! Вынесение подобного вердикта — конкретное зло, ибо среди творческих ВУЗов нашей страны Литинститут уникален. И в мире он аналогов не имеет. Это «школа литераторов», где им, прежде всего, прививают глубоко профессиональное отношение к творческому процессу, учат по-настоящему ответственно и вдумчиво работать со словом и отвечать за каждое свое слово. Любой здравомыслящий человек понимает, что значение литературы для жизни народа и страны невозможно выразить финансовым эквивалентом. А упразднение Литинститута направлено, прежде всего, против нашего с вами будущего. И требует немедленного противодействия, решительного и конкретного.

А вот насчет книжных магазинов могу даже похвастать — у нас в городе их аж целых два! Один более или менее стоящий. Поэтому закончить статью придется так же, как Хемингуэй «Фиесту»: «Да, этим можно утешаться, правда?»

*Вадимир Трусов, г. Мончегорск
Мурманской области*

К НОВОМУ «ЗОЛОТОМУ ВЕКУ»!

«Литература, как и любой другой вид творчества, есть неизменный спутник человека в его эволюции»*. И действительно, охватывая взглядом весь культурный период истории человечества, мы видим, что это так. Причем с давних лет и до наших дней были многочисленные периоды падения и взлета литературы в разных цивилизациях и странах, впрочем, как и культуры вообще.

Обратимся к нашей истории, в частности к периоду, последовавшему за активными петровскими и более мягкими екатерининскими реформами. Государство укрепилось, наступило время передышки, и открылись возможности для занятий иного рода, в том числе и литературой. В это время продолжала формироваться та корневая

* Алексей Яшин. «Постлитературный период жизни человечества: оптимисты и пессимисты». (Проем рассматривать изложенное как дополнительный исходный материал к дискуссии, объявленной в предыдущем номере «Приокских зорь» (см. № 1, 2013 г.): «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории?» — прим. А. Я.).

система русской культуры, которая и дала всходы и обильный урожай — взрыв творческих сил народа, — «золотой век искусства России» (конец XVIII и начало XIX в), связанный со славными именами М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя. В эту эпоху большое влияние имел классицизм — направление, опиравшееся на мифологию, искусство и литературу Древней Греции и Древнего Рима. Классицизм очень ярко выразился в архитектуре того времени. Здания имели пропорциональное и симметричное строение, гармонию между частью и целым. Подобные свойства наблюдались в живописи и литературе.

Пушкину и Гоголю воспоследовали соответственно: известные поэты *пушкинского круга* и Д. В. Григорович, А. И. Герцен и молодые И. С. Тургенев с Ф. М. Достоевским, которые, опираясь на достижения своих учителей, пошли каждый своим особым путем. Далее наступает время не менее «золотого» мирового феномена *русской литературы* второй половины XIX века и рубежа веков. Но в эти же годы происходит разделение в обществе и, естественно, литературе на славянофилов и западников — от умеренных либералов до революционных демократов, и ощущается неустойчивость существующего положения вещей.

Другой период творческого взлета был в начале XX столетия, между двумя революциями, и назывался он «*серебряным веком*». В области литературы, безусловно, яркими звездами проявились многие литераторы, их имена на устах. Но если в ранее упомянутом нами периоде общий расцвет литературы шел в едином русле и на фоне стабильного — если не считать печальной истории краткого царствования Павла I и выступления декабристов — состояния государства и народа, то в период «*серебряного века*» ситуация была совсем иной. Атмосферу в обществе, а соответственно и в литературе, пропитало стремление к борьбе, бунту против всего и вся, даже против самого государства и его устоев: Православия и других традиционных религий, патриотизма, государственных институтов, народных традиций — против всего уклада жизни, — в том числе во многом и против критического реализма как такового в литературе. Каких направлений только не было в тот период! Как грибы после дождя, в литературе и искусстве появились акмеисты, футуристы, символисты, авангардисты, примитивисты, кубисты и пр. и пр. В «*золотом веке*» творческих людей объединяло, прежде всего, стремление к духовной свободе — к свободе «*для чего*» — и сострадание к народу, а в «*серебряном*» — преобладало сознательное, а чаще бессознательное, стремление к индивидуальной, эгоистической, сиюминутной свободе — свободе «*от чего*» — и спекуляция положением народа для своих целей, вплоть до обретения власти. В литературе, как, впрочем, и во всей культуре, это проявилось в тотальном разъединении, разброде, безыдейности и всеядности. Можно ли назвать в этом случае данный период творческим расцветом? — Думается, что нет. Это, скорее, период кризиса, упадка, ибо ему сопутствовало и далее все возрастало падение нравов и дисгармония во всей общественной и культурной — вплоть до государственной — жизни страны, что и привело к катастрофе. Чем все это закончилось для литературы, мы уже хорошо знаем — Пролеткультом и комиссией Луначарского—Крупской. Литературная жизнь 20-х гг. была сложной. Тогда работало много талантливых прозаиков и поэтов, но лидировала, конечно, поэзия. И если по форме все во многом оставалось прежним — как в начале века тон задавали литературные кружки: символисты, футуристы, акмеисты и пр., а также действовали новые кружки и объединения, — то соперничество их между собой ныне часто имело политическое содержание. И так продолжалось до середины 30-х годов.

Что же произошло затем? Не вдаваясь в вопросы политики и идеологии, мы видим, что у писателей (у тех, кто остался в стране, естественно), принявших, в общем,

идеологию или смирившихся с ней и с установками сверху, на фоне все более утверждающихся стабильности государственной и народной жизни, было то же стремление к внутренней духовной свободе и к хорошему деланию для народа. И еще одна параллель с *«золотым веком»* — архитектурный стиль, довлеющий к эпохе классицизма, в то время как в мире преобладала мода на функционализм, с его многоэтажной застройкой упрощенной формы, с отказом от уникальности и неповторимости архитектурного образа, если говорить об урбанистическом направлении, и дезурбанистическое — со строительством небольших городов-садов со свободной планировкой и с жилыми домами индивидуального плана.

Наличие ряда признаков того, прошлого *«золотого века»* имело место быть несомненно. И, главное, после «бунта», который был в начале века, и расцветшей вседозволенности 20-х гг., конечно, в рамках Пролеткульта и не на ночь будь упомянутой комиссии, все более или менее слились в едином порыве — построить великую, просвещенную, развитую, светлую и социально справедливую страну. И не секрет, к слову сказать, как И. В. Сталин буквально «возился» с писателями, порой спасая их от наказания. Это хорошо видно из истории с О. Мандельштамом, после написания и озвучивания им стихотворения *«Мы живем, под собою не чуя страны...»**.

Для развития советской литературы как необходимого элемента в строительстве новой страны, литературы, основанной на классической русской, для развития соцреализма как части на этом этапе русского критического реализма был создан Союз писателей СССР. Стала восстанавливаться литературная среда, озабоченная не тем, о чем говорилось ранее в отношении *«серебряного века»*, а другими целями — возрождением и дальнейшим созданием страны, культурным и социальным развитием народа.

И результат не замедлил сказаться — была создана советская литература как закономерная часть всей великой русской литературы. И мы гордимся теми, кто создал ее, и пришедшими вслед им. По праву можно назвать этот период *золотым советским веком* нашей литературы.

И, наконец, четвертый период, о котором хочется сказать, — это период, наступивший после крушения СССР. Когда происходившее в области литературы — декаданс, разброд, размывание культурных ценностей и бунт — в начале прошлого столетия, кажется просто игрой младенцев по сравнению с возобладавшем всеобщим освобождением от всего и вся, беспредельной вседозволенностью, что привело уже даже не к *«медному веку»*, а практически к полному разрушению культуры — и литературы, в частности, как таковой. Ведь первое, что сделал затем рынок, — наложил на культуру «свою лапу», то есть определил новейшие правила, когда перспектива любого литературного произведения (раз уж мы говорим о литературе) зависит от того, быстро ли оно принесет наличную прибыль, независимо в какой валюте.

Таким образом, мы видим четыре периода в истории русской литературы на протяжении более чем двух столетий, сменяющих один другой по принципу чередования *«плюс-минус»*. Поэтому если, основываясь на этом наблюдении, провести историческую аналогию, то вслед за нынешним состоянием литературы должен начаться ее подъем и дальнейший расцвет.

Похоже, в истории человечества, как и в жизни каждого человека, действуют две программы: одна, влекущая к духовному совершенству, и вторая — испытующая. Это данность, от которой не уйти. Посему никоим образом и никогда нельзя успокаиваться, почивать на лаврах — это при хорошем положении дел. А уж тем более — при плохом.

«Полагаю, мы не принизим предмет литературы, равно как и любого вида худо-

* Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009-2011. Т. 1. Стихотворения / Вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова, подг. текста и комм. А. Г. Меца. 2009. 808 стр.

жественного творчества, если определим его роль в эволюции человека как потребность в идеализированном умозрительном исправлении реальности», — пишет главный редактор журнала «Приокские зори» *.

Человеческая жизнь коротка. Но если в детстве и подростковом возрасте она воспринимается протяженной далеко в будущее, то в зрелости — каждый год на счету. А периоды исторические — и взлеты и падения литературные в том числе, могут длиться и, как правило, длиться в течение времени, соизмеримого и гораздо большего, чем человеческая жизнь. Отсюда и кажется, что это — окончательно, бесповоротно, катастрофично, неисправимо и так далее. Тем более если это произошло, как у нас в стране, с «космической скоростью». А если это еще и явление глобальное, как и действительно сейчас происходит с литературой и культурой вообще во всем мире, то это глобальное крушение всего и вся, назвать можно постлитературным, посткультурным миром и так далее.

Да, это — упадок, провал, период девальвации большого числа ценностей, созданных веками Православия и более чем двумя веками развития великой русской литературы. Но думаю и верю, что это и период собирания новых сил, период накопления потенциала перед следующим — памятуя о диалектике спирального развития, — творческим витком на более высоком уровне сознания и самосознания и нашей истории с литературой, и всего, что произошло с нами, и нашего предназначения. Вопрос только в том, сколько времени этот последний негативный период продлится? Этого не знает никто. Но поскольку Бог ничего не делает без участия человека и без учета состояния наших душ, очень многое будет зависеть от каждого из нас — будем ли мы сидеть и бесконечно плакать *«на реках Вавилонских»*, бессильно поругивая *«плохих людей»*, или же будем уже сейчас, невзирая на известные трудности и препятствия, ежедневно трудиться душою и разумом, созидая по крупице будущий период великой русской литературы. Писатель постлитературной поры все же должен писать не «постлитературно», а так, как будто он живет в *«золотом веке»*. Все зависит от каждого из нас. Да, *«Нам не дано предугадать, // Как слово наше отзовется...»* — сказал 1869-м году в своем стихотворении без названия Ф. И. Тютчев **.

Но чем большего уровня писатель, тем больше его роль, тем больше его ответственность за каждое сказанное и написанное слово. Добавим — и дело. А дела, как известно, всегда должны соответствовать словам, и наоборот.

И еще, удивительно, что те, кто должен по идее объединяться, тем более, сейчас в постлитературный период со всеми его характеристиками, так профессионально точно изложенными в «Колонке главного редактора» ***, — эти должныствующие разъединяются со своими единомышленниками и разъединяют всеми мыслимыми и немыслимыми способами их между собой. Здесь можно много говорить и о нетерпимости, неблагодарности и беспамятстве. Можно сколь угодно долго говорить: «Вкусно, вкусно!..», сидя перед пустой тарелкой, но от этого сыт не будешь. Разобщенность даже в среде литературных соратников и душевный голод никоим образом не способствуют преодолению кризиса, преодолению постлитературного периода и переходу в великолитературный.

Когда же начнется переход из постлитературного в великолитературный период? Только тогда, когда после принятия четкой государственной программы развития культуры и в частности литературы — по примеру конца 30-х годов века минувшего — и, как это ни парадоксально звучит, выстраивания четкой чиновничье-бюрократической системы.

* А. Я. Cit. op. с. 4.

** Федор Тютчев. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1996.

*** «Колонка главного редактора»: «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории?». «Приокские зори», № 1, 2013 г.

тической структуры в этой сфере жизнедеятельности (без нее никак...), которая будет организовывать — тормозить и «бежать телегой перед лошадей», тем самым и мешая, и своеобразно помогая развитию этого процесса.

Что бы можно взять из литературы советского периода? Литературу любого периода нужно брать, на мой взгляд, всю, во всей ее совокупности. И из советской — все: от М. Шолохова и А. Платонова до В. Белова, от А. Ахматовой и М. Булгакова до В. Распутина и В. Астафьева, от мастера пейзажа М. Пришвина до романтика К. Паустовского, от Н. Клюева и С. Есенина до О. Мандельштама и Б. Пастернака, от В. Маяковского до А. Вознесенского, от ранних наивных опровергателей веры в литературе до Л. Бородина и В. Крупина.

Нужно брать всю литературу. Почему? Давайте обратимся к Пушкину, и позвольте спросить, кто бы знал об Александре Сергеевиче, если бы совсем не было читающей публики. Полное отсутствие читателей — это гибель для литературы — пиши не пиши. Но писатель и обобщенный читатель — это два полюса литературной среды, а между ними большая градация писателей — людей, делающих свои небольшие опыты в области сочинительства, и более плодотворные, но не признанные, и признанные, но по уровню стоящие на различных ступеньках одаренности — ближе к гению или дальше от него. Вот благодаря всей этой читательско-писательской среде, в которой есть подвижники и организаторы литературной жизни, и видны гении и таланты. Ведь нельзя же с картины художника убрать все и оставить, например, только какое-нибудь одно лицо, купол храма или солнце, без утраты всей картины, как таковой.

* * *

А хорошему писателю, пусть даже и гениальному, негоже впадать в гордыню, ибо сие есть большой грех. И хорошо бы не забывать о личной ответственности за состояние этого самого литературного процесса по принципу — если не мы, то кто же? — на котором (и не на каком другом) стояла, стоит и будет стоять литература, ибо кому больше дано, с того больше и спрос. Как раз в советский период с литераторами занимались серьезно, и занимались именно мэтры от литературы, не в пример нынешнему времени.

*Яков Шафран, г. Тула, лауреат всероссийской
литературной премии «Левша»
им. Н.С.Лескова*

ЧАСТНОЕ МНЕНИЕ ОПТИМИСТКИ

Давным-давно, то есть в советские времена, показателем социальной успешности являлись хрусталь, ковры и книги. Прилавки книжных магазинов, в отличие от продуктовых, не пустовали. Но книги, которые действительно можно было читать, распределялись по месту работы, чаще всего доставаясь начальству, обменивались на макулатуру, или приобретались по «блату», тут уже огромную роль имело наличие знакомого продавца. Наиболее удачливыми считались те граждане, кто смог подписаться на полное собрание сочинений, имя автора особого значения не играло, брали всё. В нагрузку к толстым художественным журналам выдавали подписку на газеты «Труд» или «Известия», то есть путь к обладанию самыми интересными книгами был довольно извилист.

В некотором плане спасали библиотеки — городские, школьные, областные, из которых я не вылезала, читая все подряд, пугая по выходным бедных библиотекарей

требованием найти мне что-нибудь такое, с чем я еще не познакомилась.

Получив предложение поучаствовать в дискуссии, я с энтузиазмом, а кому не хочется вернуться в прошлое, пусть даже и в воспоминаниях, ринулась перебирать в памяти названия книг, составляя некое подобие списка. Перечень детских книг получился длинный, пестрый по жанрам и вполне интернациональный. Там и «Партизанка Лара», и «Четвертая высота», и стихи Маршака с Агнией Барто, и рассказы Гайдара, и «Большой оркестр» Бикчентаева...

Начитавшись всей этой гремучей смеси, я выросла иронично-романтической барышней с типичной женской логикой, в результате чего оценивать литературный вклад советских авторов могу только эмоционально: нравится, не нравится.

Детские книжки тех лет, несмотря на однообразие тем, замешанных в противовес буржуазной морали на коммунистической идеологии, мне нравились практически все, жизнь в них казалась прозрачной, совсем не страшной и предсказуемой. Все разложено по полочкам. Но, как правило, преобладали две грани — черное и белое. Много позже выяснилось, что оттенков больше, а мир куда как красочней и сложнее.

Благополучно перебравшись из детства во взрослую жизнь, своего пристрастия к книгам я не оставила, только отбор стал жестче, поэтому не все прочитанные авторы перебрались вместе со мной в современность.

Сегодня у меня в первых рядах, попеременно с мировой и отечественной классикой, стоят на полках, тесно прижавшись друг к другу: Саша Черный, Михаил Булгаков, Виктор Конецкий, братья Стругацкие, Довлатов, Владимир Орлов, поэты Серебряного века, Аксенов. Евтушенко... Во втором ряду спрятались Рюрик Ивнев, Катаев, Михаил Веллер, Зощенко, Тэффи, Вадим Шефнер, Иван Ефремов и многие, многие другие.

Не берусь судить о литературных достоинствах или, возможно, недостатках любимых книжек, это удел критиков, скажу только одно — все они продолжают волновать меня и сейчас, сквозь их тексты по-прежнему проступает жизнь, приоткрывая все новые и новые грани.

А вот некоторые книги, не слишком актуальные, скучные и не имеющие оригинального творческого почерка, не пережили генеральной уборки, оказавшись давно на свалке. Их авторов называть не стану по одной простой причине: у всех читателей имеются свои личные пристрастия, и то, что мне показалось отжившим, недостаточно интересным, кого-то продолжает радовать.

Мне очень нравится современная проза. Несмотря на то, что сейчас господствует совсем другой литературный вкус, в котором, как, впрочем, и в советской литературе, при желании можно разглядеть идеологическую направленность, примитивный язык, упрощенную картину мира, я точно знаю, что есть авторы, чьи взгляды, знания и философия жизни мне близки, понятны, заставляют сопереживать.

Никогда раньше у меня не было такого запаса непрочитанных книг как сейчас, причем, на любую тему, и не обязательно в бумажном традиционном исполнении, есть и другие варианты.

Публицистика, фантастика, исторические романы, психология, многообразие прозы и поэзии — всё доступно. Понятно, конечно, что всё это разного качества и художественной ценности, но, вот что важно, у меня теперь есть выбор.

Отделив свои личные пристрастия как читателя, на вопрос «Что нам следует взять из русской литературы советского периода?» отвечаю, наверное, так: «Всё и ничего».

Поясню парадоксальность своего ответа: как мне кажется, четких критериев, по которым можно оценить достоинство той или иной книги нет. Иногда читаешь текст, вроде бы и грамотный, с правильно выстроенным сюжетом, точно выверенными фразами, а не цепляет. И наоборот, пара стилистических ошибок, некоторая нечеткость очертаний, да и тема не слишком актуальная, но не оторваться.

Мне кажется, что не стоит навешивать ярлыки: это — «литература», а вот это —

«графоманская поделка». Право на существование имеет любой текст, за исключением совсем уж чернухи, главное, чтобы люди находили то, что им нужно в данный момент и не забывали читать, пусть даже комиксы, если они соответствуют их уровню восприятия.

На вопрос «Что нам следует взять из русской литературы советского периода?» можно ответить и по-другому, конкретизировав несколько понятий.

Если допустить, что под словом «что» скрыт интерес к конкретным книгам или авторам, ответ прост — каждый легко составит свой список предпочтений.

Если «что» — это вопрос о качестве литературы, как одном из видов искусства, то, наверное, можно поговорить о талантливости, правдивости, авторской манере или социальной значимости какого-то конкретного произведения, но любое мнение все равно будет субъективным.

Если «что» — это вопрос о технической стороне книгоиздания и обустройстве писательских союзов, то в отличие от советских времен сегодня большинство авторов предоставлены сами себе и решают (или не решают) проблемы издания своих произведений в соответствии с собственным вкусом и материальным положением.

То же самое можно сказать о местоимении «нам». Нам — это кому? Читателям, писателям, издателям, стране? Боюсь, что тема слишком сложна и обширна, чтобы уложить ее в несколько страничек.

Надеюсь, что современная книга, пройдя некоторую неизбежную трансформацию, выживет и сохранит лучшие традиции не только советского прошлого, но и добавит что-то новое, присущее только этой стремительно меняющейся эпохе.

Татьяна Рогожина, г. Тула

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА НЕ СТОИТ ОТКАЗЫВАТЬСЯ

В литературе России послереволюционного периода под толстым слоем идеологии и политики всё же сохранилось и живет вечное содержание...

И. А. Ильин — православный философ и писатель

Литература советского периода подвергается сегодня такой же ревизии и критике, какой в советское время подвергалась классическая. Вспомним хотя бы требование «сбросить Пушкина с парохода современности», прозвучавшее уже в первые советские годы! Всерьез обсуждался вопрос: нужны ли нам Толстой, Гоголь, Щедрин и другие классики? И только когда «сверху», из уст самого вождя, прозвучало: «Нужны!» — все стало ясно. Однако нужны оказались далеко не все. Не нужными, вредными для советских людей много лет числились: Бунин, Есенин, Андрей Белый, Александр Солженицын, Борис Пильняк и многие другие, не говоря уж о Зинаиде Гиппиус, Дмитрие Мережковском, Николае Бердяеве, Иване Ильине. Этих вообще иначе как «белогвардейцами» и «антисоветчиками» и не называли! Официозные литературоведы, увенчанные докторскими степенями и даже званиями академиков, бдительно стояли на страже нашей с вами идеологической чистоты и нравственности. Борис Леонидович Пастернак, которому тоже здорово от них доставалось и чьи произведения, особенно роман «Доктор Живаго», рьяно осуждались не только писателями, но и «всем советским народом», в большинстве своем этот роман и не читавшим, — так вот Борис Леонидович с горькой иронией говорил об официозных критиках:

Не знал бы никто, может статья,

*В почете ли Пушкин иль нет
Без докторских их диссертаций,
На все проливающих свет!*

Сейчас ситуация перевернулась: в стране победившего (во всяком случае, из всех сил пытающегося победить!) капитализма столь же придирчиво перетряхивают советскую литературу. Многие произведения ее исчезли из школьной программы без всякой надежды когда-нибудь туда вернуться. Зато того же «Доктора Живаго» изучают, по нему снимают фильмы и пишут докторские диссертации, «на все проливающие свет»! Дискуссия о том, что из советского литературного наследия стоит взять нам с собою, а что отвергнуть, достигла довольно высокого градуса. Критики советской литературы говорят о её излишней идеологизированности, политизированности, о прямолинейном, «лобовом» дидактизме многих произведений. Доля истины в таких суждениях присутствует. Однако в советской литературе есть не только Кочетов, Марков, Сафронов или Чаковский, там есть и другое — то, что выдающийся религиозный философ и писатель двадцатого века, наш соотечественник (кстати, изгнанный из СССР) Иван Александрович Ильин назвал «вечным содержанием». Что же это? Давайте посмотрим и попробуем найти это вечное в классических произведениях советской литературы.

Вячеслав Алтунин, г. Тула

ДОПОЛНЕНИЕ К МАТЕРИАЛАМ ДИСКУССИИ

От редакции: Мы получили материалы Ольги Шаховской-Пономаревой и Иосифа Руховича, по своему содержанию относящиеся к дискуссии 2012-го года. Однако мы сочли возможным их опубликовать в настоящем разделе, ибо обе дискуссии — прошедшая и нынешняя — во многом пересекаются.

Почему-то бумага, а я в этом уверена, располагает не только к большей открытости, чем «железо», но и дисциплинирует авторов, способствует обстоятельному отношению к стихотворчеству или написанию прозы. «Рукописи не горят», и, как мне кажется, это заставляет многих авторов работать качественнее. И такая работа, как при цепной реакции, стимулирует ассоциативное мышление. Оно, в свою очередь, опираясь на память, индивидуальный опыт пишущего, на чужой опыт из ранее прочитанного, на опыт близких людей, подсказывает подчас литературные приемы, например, сравнения, метафоры и др., позволяющие точнее охарактеризовать героев, полнее раскрыть заявленную в произведении тему. Вводимые в повествование новые детали, образы дают возможность рассматривать описываемых героев и происходящие события в многомерном пространстве.

Кроме того, будь то поэт или прозаик, серьезно относящийся к творчеству «перед лицом чистого листа», благодаря знаниям, приобретенным в школе, следит за орфографией, начиная с черновики, если, конечно, ему с детства привили любовь к родной речи, показали красоту и мощь русского Слова, подкрепляя примерами из классической отечественной литературы, или он сам пришел к этому в процессе личного самоусовершенствования.

Общение человека с машиной, думаю, происходит на ином потребительском уровне.

Что касается общественных литературных сайтов (имен не называю), большинство тамошних авторов появляются «в чести» с целью общения, дабы сгладить амплитуду внутренних переживаний, вызванную проблемами личного характера, потребностью устранить дефицит общения. Многие люди хронически безграмотны, о чем предупреждают на первой странице, заявляя, например, что к литературе отно-

шения не имеют, получая как бы индульгенцию у читателя на право ошибаться. Некоторые из них даже гордятся, что является «заслужкой» воспитания.

Порою откапываешь талантливые строки, чувствуешь, как в них трепещет душа... где отсутствуют прописные буквы и знаки препинания напрочь. Это новое западное веяние, чем только ни объясняют (а их немало): интимностью темы, дефицитом времени и ленью, наконец.

Я недоумеваю по поводу подобных стихийных нововведений, ибо иначе их не назовешь, так как в лоне родного языка правила в отношении вышеперечисленных «достижений» пока не менялись, поэтому не должно существовать двух языков: одного для Интернета, а другого «для членов Союза писателей».

Удивительно! Как будто можно продекламировать на одном дыхании стихотворение, где богатство эмоций отражается не только в словах, но и в интонации, указывающей надлежащее место каждому знаку препинания. Досада какая! Невдомек автору строк, что гармония творения в триединстве чувства, мысли и слова. И этому Слову, данному нам свыше, надлежит быть грамотным, правильно употребленным, ведь оно имеет огромное влияние на человеческие души — субстанции тонкие и чрезвычайно ранимые.

*«От слов своих оправдаешься
От слов своих осудишься»*

(Мф. 12, 37)

Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. С. Пушкин, В. Я. Брюсов, да многие, многие другие творцы отечественной литературы (нам есть у кого поучиться, слава богу!), разве они не писали на интимные темы. Писали, еще как! Но не припомню, чтобы они игнорировали правила грамматики и синтаксиса, любые черновики тому свидетельство. Уважение к русской словесности сидело у них в крови, поскольку она, та самая словесность, являлась и продолжает являться основополагающим элементом отечественной культуры.

Из-за торопливости авторов, погоней за дутыми рейтингами работа над осмыслением текстов, содержащих порой не тривиальную идею, — «наращивание мяса на скелет» — явление редкое. Детальную проработку темы может себе позволить человек не только талантливый, но и умеющий работать над словом, понимающий необходимость этой работы, отдающий себе отчет в том, что он делает и с какой целью. Ибо, если говорить о бумаге, то белый лист — безграничное поле ответственности автора перед собой, перед читателями, перед Богом. Такой писатель может перевернуть всю рукопись многократно в желании вставить одно-единственное слово в нужное место для того, чтобы мысль заблестела и стала понятной каждому.

*Ольга Шаховская-Пономарева,
г. Москва*

БУМАЖНАЯ ДУША, КОМПЬЮТЕРНОЕ ТЕЛО...

*То, что я понял — превосходно. Думаю
таково же и то, чего я не понял.*

Сократ

В статье «Что написано пером...» («ПЗ» № 2, 2012) едва ли не впервые затронут вопрос о влиянии средств писательского труда на самого автора и результат. Вряд ли статью следует рассматривать как призыв вернуться к гусиному перу, но осознание потерь в условиях неумолимого технического прогресса совершенно необходимо и

очень своевременно. Угроза потери личности и самобытности велика.

Уже в эпоху пишущих машинок, а затем компьютеров, практически все выдающиеся произведения всё-таки написаны пером, в крайнем случае, авторучкой. Особенно это касается лирической поэзии. И в XXI веке совершенно невозможно представить первую запись стихотворения на компьютере. Теряется что-то такое, что и писать не хочется. Под пером каждое слово получает индивидуальность и неповторимость *почерка*, смываемые обезличкой печати. Так исчезает на иллюстрациях мазок, и мы уже не можем почувствовать волнение, владевшее художником. Недаром поэты мечтают о факсимильных изданиях, даже не обладая каллиграфическим почерком. Какой трепет охватывает читателя при виде рукописей любимых произведений! Конечно, далеко не всякие стихи, особенно в наше время повального графоманства, достойны такого воплощения, но для самого автора ручная запись бесценна.

Ещё одна негативная сторона механизации писательского труда — исчезают черновики. Пропадают порывистые и размеренно-продуманные замены, вставки, зачёркивания, а то и перечеркивания целых страниц — следы и свидетельства работы создателя. Что будут делать будущие литературоведы, не имея возможности проследить извивы авторского замысла? Вспомним подвиг текстолога Мариэтты Чудаковой, восстановившей тексты Михаила Булгакова, и давшей мощный толчок булгаковедению.

Дело, конечно, не только в заботах об обеспечении работой будущих литературоведов. Надо думать, далеко не все нынешние произведения подвергнутся тщательно литературному анализу. Хотя, как знать... Будущая мощь компьютеров... Но для самого автора потеря возможности вернуться к началу размышлений грозит утратой замысла и сомнений — не выплеснут ли с водой и ребёнок? Не говоря уже о мнемонической памяти, очень точно отмеченной в статье А. А. Яшина.

Лев Толстой несколько раз переписывал «Войну и мир». К. Г. Паустовский описывает И. Бабеля с толстой рукописью в писательской компании — наконец-то, вскричали писатели, Бабель написал роман! Нет, вздыхал Бабель, это двадцать два варианта «Любки-козак». Но черновики любовно сохраняли!

Да и читателю совсем не лишне прикоснуться к творческому процессу. Посмотреть, скажем, рисунки тонкого пера Пушкина на полях его божественных рукописей. Помнится Стефан Цвейг в речи «Смысл и красота рукописей» отметил: «Ибо из множества неразрешимых тайн мира самой глубокой и сокровенной остаётся тайна творчества». Наличие рукописи позволяет хотя бы прикоснуться к этой великой тайне.

Тем ни менее, компьютер, будь он неладен, существует! И очень прочно вошёл в нашу жизнь. Его никак не отнесёшь к «гедоническим гэджикам», хотя использоваться так может и, увы, используется обывателем, что называется, на всю катушку. Появление компьютера как технического средства, многократно усиливающего интеллектуальные возможности человека, практически перевернуло нашу жизнь и во многом, тут совершенно прав А. А. Яшин, с ног на голову. С такими переворотами следует бороться всеми возможными способами, но отодвинуть компьютер в сторону и в литературном процессе вряд ли удастся.

Увы, компьютер меняет мышление человека в сторону упрощения и механизации гуманитарной составляющей. Приведенный в статье анекдот о программисте прекрасно иллюстрирует, до какого идиотизма в принципе можно пойти. И именно *художественная литература* призвана сохранять и развивать человеческое в человеке. И тут вопрос о бумажной и электронной литературе встаёт с огромной остротой.

Современный пользователь компьютера привык считывать с дисплея информацию, а при «*потреблении*» литературного произведения интересуется *содержанием*, то есть разбирается *что* написано, совершенно игнорируя основное — как, на что обращал внимание ещё Пушкин задолго до появления ускорителей письма. Проблема

здесь не столько в компьютере, сколько в утрате умения читать художественные тексты, понимать *художественный язык*, несущий куда больше информации, чем естественный. И выход тут, на мой взгляд, единственный — учить читать, учить языку. И только вернув русскому читателю это умение, научив его получать *наслаждение* от художественного произведения, а не только удовольствие от развлекаловки, можно ожидать возврата к книге. К памяти рук и шороху страниц.

Что же касается использования компьютера при написании произведения (прежде всего прозы,— стихи, как уже было сказано выше, просто этому не поддаются), то тут всё далеко не однозначно. В любой новации что-то теряем, что-то находим, и следует аккуратно взвесить — не превышают ли потери приобретений. А. А. Яшин очень красочно, с тонкой иронией описал утраты на пути технического прогресса и с этим трудно не согласиться — потери велики. Но не следует забывать и о чисто физических преимуществах компьютера, прежде всего в такой тяжкой части литературного труда как правка. Имеется в виду не исправление грамматических и синтаксических ошибок, что компьютер делает автоматически, но выявление повторяемости, различных неточностей, неблагозвучных сочетаний, перестановка предложений и абзацев, замена слов и так далее. Соблазн удобств слишком велик и немногие могут устоять.

По поводу скорописи. Тут трудно согласиться с А. А. Яшиным. По собственному — и не только — опыту считаю, что орудия писательского труда никак на скорость письма не влияют. А компьютер даже и замедляет. Быстрота сочинения определяется быстротой творческого мышления, почти всегда отстающего от возможностей средств записи. И как сотни лет назад писатель застывал с недонесённой до чернильницы ручкой, так и сейчас часами тупо смотрит на экран, не понимая, как язык повернулся такое написать и что делать дальше.

Речь, конечно же, не идёт о «федях с авторучками», о литературной подённости или, как сейчас принято говорить, *коммерческой литературе* — гнусный, кстати, оксюморон. Для таких «авторов» компьютер манна небесная, позволяющая перелицовывать сюжеты практически не меняя слов. Недавно один автор криминальных романов публично хвастался, что на зависть Сименону доведёт свою производительность до десяти страниц в день. Слава Богу, до таких откровений не дожил Гюстав Флобер, писавший не более семидесяти страниц в год, остающихся до сих пор эталонном французского литературного языка. Нет, речь не может идти о них в солидном литературном журнале, ибо если их считать писателями, то многие *настоящие* вынуждены будут отказаться от этого почётного звания.

Но и большие писатели в силу тех или иных обстоятельств задумывались и предпринимали шаги к ускорению труда. Классический пример — Ф. М. Достоевский. Великий русский писатель не раз прибегал к помощи стенографии. И Бог ему судья. Гениальность позволяла ему превращать свой мозг в литературное поле с великой жатвой. Сейчас же некоторые писатели, не обладая, очень мягко говоря, талантом Фёдора Михайловича, уже начинают заставлять компьютер печатать с голоса. А вот это уже опасно, ибо путается устная и письменная речь. Пишем, как говорим,— вот их кредо. Уж лучше бы молчали.

Ещё об одной теме, затронутой в статье А. А. Яшина — о «вреде» нанесенном России Н. М. Карамзиным.

По-моему А. А. Яшин первый заговорил о гениальности кириллицы. Думается, все русские писатели и читатели горячо и от всей души примут этот эпитет. И кириллица, и глаголица просто конгениальны нашему Великому и Могучему, доведенному Великой Русской Литературой до заоблачных высот! Наш язык, начертанный кириллицей, огромное, ни с чем несравнимое богатство нашей Родины, которое требует особо бережного отношения. Боюсь, что мутный поток хлынувшего графоманства

может нанести непоправимый урон. Речь даже не о засилии латиницы и американизмов — восприимчивый и чуткий русский язык всегда легко справлялся с заимствованиями, достаточно открыть словарь иностранных слов. Но язык и письменность определяют национальное мышление, и в этом смысле разница между Западом и Россией достаточно велика. И прекрасно! И слава Богу! Зачем же нам быть такими, как они? Тем не менее, опасность велика — в нашей литературе всё чаще появляются изложения, обороты, фразеологизмы, напоминающие перевод с английского. Посмотрите на заполнившие литературные страницы после перестройки верлибры! Какое они имеют отношение к русскому свободному стиху, да и вообще к русской поэзии?

Но мы отвлеклись. О Карамзине и букве «ё».

Да, надстрочные точки нарушают эстетику кириллицы и уникальную возможность написания слова без отрыва пера от бумаги. До введения *ё* нам не надо было «ставить точки над и». Что касается «й», то первоначально эта буква по большей части заканчивала слово, и надстрочный знак нисколько не нарушал красоту кириллицы, а может быть даже и добавлял. Не вина Кирилла и Мефодия, что с развитием живого организма русского языка эта буква оказалась и внутри слов.

Возможно, следовало вместо знака «ё» ввести новую букву, скажем «о» с чёрточкой внутри, что подчёркивало бы родственность звучаний. Звуки *e* и *ё* не имеют ничего общего ни фонетически, ни артикуляционно. Видимо, Николай Михайлович ориентировался на обращение *евё* при изменении формы слова и ударения — *легко* — *лёгкий*, *весело* — *весёлый*. Но, как бы там ни было, уже в те времена звук *ё* входил в русский язык, и Карамзин просто это обстоятельство зафиксировал.

В настоящее время ни русскую речь, ни русскую письменность без «ё» уже представить невозможно. Более того, обозначение этой фонемы через *e* может привести к недоразумениям и незапланированным двусмысленностям. Например, не слышавший слово «пролётка» так и будет читать «пролетка», с чем автор уже сталкивался. А прочтя фразу «небо больного покрылось пупырышками», не сразу поймёт, что облачный свод здесь ни при чём.

Ныне *ё* полноправный член нашей азбуки. Кроме того, и это хотелось бы особо подчеркнуть, игнорирование в письме этой литеры, объединение в одном знаке двух совершенно разнородных звуков, противоречит самому духу кириллицы, подчёркнутому в статье А.А. Яшина, — одна буква — один звук. А то, чего доброго, придётся ввести совершенно ненужную нам транскрипцию.

И ещё об одном «вреде», нанесённом Н. М. Карамзиным — апологии династии Романовых в его великом историческом труде.

Да, «История государства Российского» не лишена недостатков, в том числе и приверженность автора монархической идее, что отмечали ещё первые читатели из числа демократов и либералов. Но согласиться с утверждением, что Н. М. Карамзин *переписал* и исказил русскую историю довольно трудно. Непреходящая заслуга Николая Михайловича, прежде всего, в том, что он *написал* русскую историю в смысле её систематизации и хронологизации. Это первый системный труд, и всё дальнейшее развитие истории как науки, так или иначе, на нём основывается, в том числе и на его критике.

Что же касается взглядов Н. М. Карамзина, довольно сильно окрасивших великолепный стиль изложения... А где вы видели труды по истории совершенно объективные, не несущие отпечаток личности автора? История всегда сопряжена с умонастроениями и ожиданиями общества, с идеологией, а то и просто политикой. И, безусловно, с явным или неявным заказчиком. Замечательный наш историк Л. Н. Гумилёв отмечал — даже в летописях, которые мы привыкли считать беспристрастным изложением событий, можно найти не только тенденциозное изложение, но и под-

делки, и позднейшие вставки, и сознательные искажения. Работая с источниками, Лев Николаевич использовал апробированный метод установления относительной истины — рассматривать совокупность свидетельств и размышлений. И в этом ряду прочно стоит труд Николая Михайловича Карамзина.

Можно было бы ещё поспорить с А. А. Яшиным по поводу некоторых его размышлений и взглядов. Собственно, это процесс бесконечный. И разве не цель самобытной статьи на столь животрепещущую тему побудить читателя к собственным размышлениям? Редко полностью совпадающих с мнениями предложившего разговор.

Вопрос в другом. Какие цели и задачи поставлены в статье А. А. Яшина? И разделяем ли мы высказанные идеи?

Статья проникнута тревогой о сохранении литературных традиций — как писания, так и чтения. И думающие писатели и читатели глубоко разделяют эту благородную тревогу. То, что «компьютерная литература» в существующем виде заводит куда-то не туда, практически очевидно. Собственно, и вся наша жизнь катится куда-то не туда... Но искусство — размышления о человеке и для человека — идёт вперёд пусть и неизведанными, но человеческими тропами, и не дай Бог свернуть на звериные, даже с помощью самых современных технологий. Загнанная в компьютерное тело, да сохранит наша русская литература свою вечную бумажную душу!

А. А. Яшин совершенно справедливо утверждает, что нам не дано «знание наперёд». Можно лишь утверждать, что двигаться вперёд можно только с того места, где находишься. Однако забота о будущем у человека в крови. И попытки предвидения, куда ведёт та или иная дорога жизни и не заведёт ли чёрт знает куда, не только функция тревоги перед неведомым, но и отсечение опасных поворотов. И эту функцию статья в полной мере выполняет, заставляя хотя бы задуматься.

Но что сохранять в условиях бурного и не совсем человеческого технического прогресса? Как уберечься от духовного регресса?

Вопрос сложный, ибо связан с оценкой исторически накопленного и пониманием *постоянного* и *неизменного*, не подлежащего деформации. В 20-х годах прошлого века французский физик и философ Анри Пуанкаре совершенно серьёзно сформулировал закон сохранения: «Есть нечто, остающееся постоянным. Смысл этого нечто интуитивно неясен». За прошедшие десятилетия наука немного разобралась с этой «интуитивной неясностью», но тут же поставила новые, пока нерешённые вопросы. Например, об очень «тёмных» массах и энергии.

Но дороги науки, даже при захождении в тупик, никогда не отрицают прошедшего пути и, так или иначе, нащупывают столбовую дорогу. Шатания же литературы, не имеющей твёрдой и общепринятой аксиоматики, бездумное отрицание традиций, куда опасней. И ничего не может быть полезней заранее эти опасности выявить. И тут развитая интуиция, основанная на чтении и знаниях, неоценима.

Вдохновляет пример Фёдора Ивановича Тютчева, воспринявшего новации Пушкина, но сохранившего и развившего традиции классицизма. И вся дальнейшая русская поэзия без Тютчева непредставима. И закончить статью хочется призывом А. А. Яшина:

«...Пока есть возможность, уважаемые авторы и читатели, сохраняйте и ценности традиционной художественной литературы».

(Далее помещаем материал того же автора)

НЕ-ЧТЕНИЕ — УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«Наука и искусство так же тесно связаны между собой, как легкие и сердце, так что если один орган извращен, то и другой не может правильно действовать»

Л. Н. Толстой

При зарождении и развитии Культуры — Рим, Греция и намного раньше — её формула «добро — истина — красота» долго не расчленилась. Дошедшие до нас имена — Пифагор, Леонардо, Дюрер и до французских энциклопедистов — включали практически весь объём современной им культуры. Но с накоплением знаний, форм, ритуалов «добро» отошло религии, «истина» — науке, «красота» — искусству. Размежевание с диалектической неизбежностью привело к борьбе и даже войнам между частями единого целого за умы, души, а то и жизни.

Сейчас уже трудно представить серьёзную полемику между этими направлениями человеческой деятельности. Более того, религия и искусство обросли собственными, так называемыми «гуманитарными», то есть *человечными* науками, а негуманитарные — естественные и технические — любят красоту собственных построений, формул, мыслей. Математика даже обзавелась живописью — фракталами. Меж дисциплинами перебрасываются мостики с уверениями во взаимном уважении (см., например, Вик Мэнсфилд «Тибетский буддизм и современная физика»).

Но борьба, в основном между наукой и искусством, тем не менее, продолжается. И в настоящее время перевес явно не на стороне искусства. Не читают, не смотрят, не слушают. И самое страшное — уже не умеют это делать. Имеется в виду *ИСКУССТВО*, а не коммерческая литература, не шоу-бизнес, не поп-арт и прочие, победившие, кажется, всех и вся. Следовало бы, конечно, определиться с терминами и размежеваться, но потребовалось бы слишком много времени и места. Остановимся на интуитивном уровне, присущем каждому образованному человеку.

Успехи науки очевидны. И чем дальше и глубже её продвижение, тем чаще возникают сомнения в необходимости искусства. Ещё лет двести назад Гегель пришёл к печальному выводу: «Вследствие своей формы искусство ограничено и определённым содержанием. Лишь определённый круг и определённая ступень истины могут найти своё воплощение в форме художественного произведения». И далее: «Своеобразный характер художественного творчества и создаваемых им произведений уже больше не дают полного удовлетворения нашей высшей потребности». Проще говоря — устарело, более не нужно и отомрёт.

Ю. М. Лотман в «Структурах художественного текста» со вздохом возражает: «Искусство является великолепно организованным генератором языков особого типа, которые оказывают человечеству незаменимую услугу, обслуживая одну из самых сложных и не до конца ещё ясных по своему механизму сторон человеческого знания».

Прав был великий диалектик или не совсем, во всяком случае, за прошедшие века искусство всё-таки не исчезло, но, похоже, в чём-то предсказания сбываются. От искусства всё больше остаётся только одна функция — развлечение.

Что же до лотмановских «не до конца ясных по своему механизму» свойств искусства и какую сторону *знания* они обслуживают, то тут что-то начинает проясняться, и следует как можно скорее разобраться. Не то совсем заглохнут никому не нужные генераторы.

Привычно считать, что искусство — факультатив, непосредственно в производстве материальных благ не участвующий. А стало быть: хочу — читаю, хочу — нет.

В школе, правда, чего-то заставляют, даже учить наизусть, но эта обязаловка как-то не слишком увлекает. И в самом деле — для того чтобы *читать*, нужно изучить *художественный язык*, выработанный этими генераторами особого типа, для чего затратить немало времени и сил. Довольно сильно умственно напрячься. Стоит ли? Пользы вроде бы никакой и денег явно не принесёт. Не лучше ли изучить какой-нибудь реальный язык, например английский, а в свободное время отдохнуть за зубодробительным боевиком или слезливым сериалом?

Ещё древние римляне выдвинули лозунг: «Хлеба и зрелищ!», ставя хлеб на первое место, и придавая союзу «и» разделительные функции. И вдоволь было у них и того, и другого, но Рим почему-то рухнул.

У образованных людей, впрочем, сомнений не возникает — искусство нужно, обязательно нужно. Оно делает людей людьми, воспитывает душу и так далее. Всё правильно. Но и у них частенько бытует мнение, что к «хлебу» «зрелища» особого отношения не имеют. Так ли? Действительно ли искусство непосредственно не влияет ни на производительные силы, ни на производственные отношения?

К этой проблеме можно подойти с разных сторон. Попробуем сначала с точки зрения науки о процессах мышления, состояние которой на современном этапе достаточно полно и доступно представлено в частности в книге А. Маркова «Теория эволюции. Обезьяны, нейроны и душа».

Между животным и человеком в интеллектуальной деятельности нет *качественной* разницы, но есть *количественная*. Как бы ни возмущало это утверждение, сложившиеся веками стереотипы, ставящие нас на одну доску, это с уверенностью можно считать доказанным.

Количественно разница определяется *кратковременной рабочей памятью* (КРП), от объёма которой сильно зависят интеллектуальные способности.

КРП — та часть памяти, в которой хранится и обрабатывается информация, необходимая для работы в данный момент времени. Обращает внимание эпитет *рабочая*, ибо разнообразные сведения могут храниться где угодно. Объём КРП измеряется количеством идей, образов, концепций или, лучше сказать, мыслительных моделей, с которыми исполнительный орган работает *одновременно*, и эту важнейшую для интеллектуальной деятельности характеристику можно измерить и выразить в числах.

Так вот, показатель объёма КРП у животных составляет 1—2, у наиболее «гениальных» шимпанзе достигает 3. А у человека насчитывается целых 7. с существенной оговоркой: «...хотя некоторые исследователи склоняются к более осторожным оценкам и предпочитают говорить о величине 7 ± 2 ».

Вот на этих ± 2 хотелось бы остановиться.

Итак, от 5 до 9. Думается, что каждая единица в этом показателе целый порядок, если не несколько, интеллектуальных возможностей человека. Но вот вопрос — ёмкость КРП врождённое свойство или благоприобретённое? Рождается человек умным или становится? Развивается КРП в течение жизни или нет?

Скорее всего, интеллект человека определяют и генетика, и окружение, и условия существования, и множество других факторов, но обучение представляется решающим.

Шимпанзе весьма сознательно колют орехи. Ставят на естественную наковальню (скала, большой камень и т.п.) и бьют камнем. КРП = 2. А некоторые талантливые обезьяны ещё и сооружают наковальню из подручных небольших камней — КРП = 3. Причём действия не являются инстинктивными, но культурной традицией. Обезьяны обучаются примером и подражанием и овладевают процессом к трём-четырёх годам. Наблюдения показывают — если до пяти лет шимпанзе не научается, то уже не научится никогда и всю оставшуюся жизнь будет с завистью наблюдать за другими и

даже махать кулаками, но камень взять так и не догадается — КРП = 1. То ли мозгов не хватило, то ли пролетел яркий попугай и отвлѣк несчастную обезьянку в самый ответственный момент, но обучение не состоялось. Ничего человеческого не напоминает? Кто в школе теорему Пифагора так и не осилил, вряд ли её уже когда-нибудь поймѣт, и геометрическая сторона мышления, восхитительные линейные и нелинейные фантазии, пройдут мимо него.

У человека детство значительно длиннее, можно даже полагать, что у хороших людей оно не заканчивается никогда, и какие-то коррективы в обучение могут и должны вноситься.

Биологи считают, что становление КРП заканчивается где-то к двенадцати годам. В это довольно трудно поверить — опыт показывает, что человек с годами и умнеет и тупеет. Последнее, к сожалению, чаще, но — главное — КРП меняется. Не закрываются же соответствующие синапсические щели?

Но даже если и согласиться с этим мнением, то двенадцать лет срок тоже немалый. Так как же и на чём следует обучать человека думать?

Вопрос сложный и многофакторный, но всё же представляется, что основной площадкой обучения и развития ума, особенно в детстве, является *чтение художественных произведений* — восприятие умной красоты. Чтение в широком смысле — как *понимание* литературы, живописи, музыки, овладение их *художественными языками*. И прежде всего — поэзии, ибо вначале всего было и остаѣтся Слово. При этом чтению человек учится — или должен учиться — всю жизнь. Стоит привести слова Гёте: «Эти наивные люди не знают, сколько требуется времени и усилий, чтобы научиться читать. Мне понадобилось на это восемьдесят лет, а всё же я и сейчас не решусь сказать, что достиг цели». Трудно не согласиться с великим мыслителем и поэтом, а утверждать, что уже умеют читать, могут только люди с КРП не выше пяти. Или трёх.

«Искусство является великолепно организованным генератором языков». То есть над естественным языком текста возникает множество смыслов, образующихся взаимодействием частей и деталей. Вот это динамическое взаимодействие, зависящее не только от автора, но и от уровня читателя, или *художественный язык*, которому и надо учиться всю жизнь, доставляет не только эстетическое наслаждение, но обогащает и развивает. Только для этого надо *читать*, а не только интересоваться содержанием, или *воспринимать сердцем*, как считают лентяи, взявшие соответствующие книги в руки. Без сердца в искусстве делать нечего, но без ума и знаний, знаете ли, тоже.

Основной особенностью художественного языка является сближение далѣких понятий. «Мгновенное озарение», как считал Борис Пастернак. То есть для понимания, в *работе* над текстом, в КРП необходимо держать не только 7, но и куда больше мыслимых моделей. Тут и без долговременной рабочей памяти не обойтись.

Приведѣм пару не слишком сложных примеров.

Поэма Лермонтова «Мцыри». Считается, и совершенно справедливо, что если стихи можно пересказать прозой, то это не поэзия. Эпический характер поэмы, казалось бы, позволяет пересказ. Но никакого удовлетворения не доставляет. Что-то там, в стихах, очень важное остаѣтся непереводаемым на язык прозы. Попробуем с помощью Бахтина, Тынянова, Лотмана хоть чуть-чуть проникнуть в тайны лермонтовского очарования.

*Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И ныне видит пешеход...*

В первых четырёх стихах соблюдается чёткий ритм, совпадающий с метром, с ударением на каждом слоге, кроме пиррихия во втором стихе. Не вдаваясь в подробности давно угасшей дискуссии о взаимоотношениях обозначаемого с обозначающим, скажем, что задача поэта убедить читателя в их полном единстве в данном тексте. И Лермонтов двумя ударениями в «сливаясь» достигает полного слияния (извините за тавтологию) слова с его смыслом.

В первых трёх стихах нет резких звуков, течение пока плавное. Но вот они слились и врывается звук «ЭР» — рёв слияния слышится явственно.

Во всех приведенных стихах, кроме пятого, смысловое и синтаксическое членение строк совпадает. Но в стихе «Был монастырь. Из-за горы...» Лермонтов ломает единство, и нам неожиданно открывается вид, который и может быть только при подъёме на гору.

И это только в шести начальных строчках! А содержание? А увязка с пейзажами других частей поэмы? А со всем творчеством Лермонтова? А с характером Мцыри?

Сколько мыслимых моделей должно одновременно крутиться в КРП, взаимодействовать, «мгновенно озаряться», чтобы не только почувствовать, но и понять *замысел* автора! Какая школа!

Другой пример. Загадочная картина Веласкеса «Менины», споры о которой не утихают уже не одно столетие.

Сначала нас прельщает красота и оригинальность лиц, колорит картины, гармония частей.

Картина тянет и хочется разобраться, что же на ней изображено.

Куда смотрят персонажи? На зрителя? Но вот мы замечаем на стене небольшое зеркало, в котором невнятно отражаются король и королева, знакомые по картинам Веласкеса, висящими рядом на стенах Прадо. Значит на королевскую чету?

Но как на полотно попал сам художник, и что он, собственно, пишет? И пишет ли? Ведь зала темна, на потолке даже отсутствует люстра. И так ли уж нужна рыцарская символика на груди художника во время работы? Он что же, работает в парадном мундире? Правда, Фейхтвангер («Гойя или тяжкий путь познания») утверждает, что крест пририсовал Филипп IV спустя несколько лет... Тоже надо держать в КРП, взаимоотношения между королём и его придворным живописцем, видимо, были не простыми.

А почему по концам малой диагонали с невесёлым лицом художника перекликается понурая морда собаки?

А почему полотно названо «Менины»? Разве фрейлины главные действующие лица? Не на своё ли положение при дворе намекает Веласкес?

Может быть, картина не столько о семье и приближённых монарха, сколько о судьбе художника в современном ему мире?

Оставим читателю определять собственное мнение — пусть вглядывается. Или вчитывается. Важно, что нейроны пришли в возбуждение, аксоны задвигались, и многочисленные мыслительные модели начали взаимодействовать, сближая далёкие понятия. Не расширится ли при определённом напряжении мыслей и чувств объём КРП?

Можно привести куда более увлекательные и сложные примеры. Структура «Евгения Онегина». Совершеннейшая геометрия величайшей картины «Троица» Андрея Рублёва. Терцины и число три «Божественной комедии» Данте.

Кстати о числах. Математика всё больше и больше внедряется в понимание художественного произведения. С пределами и даже матрицами. С численным значением золотого сечения в лирике Пушкина. И современный образованный читатель, не вправе игнорировать математические модели пропорций, симметрии, гармоний, ритмов. Они уже тоже должны работать в КРП.

Сальвадор Дали в далёкой середине XX века, долго разгадывал волшебную силу необыкновенной, по его мнению, эстетической мощи «Кружевницы» Яна Вермеера, пока не разглядел в ней фрактальную розетку подсолнуха с центром на кончике иглы и формообразующий искусство — по Дали — рог носорога между витками спирали (см.: А. В. Волошинов «Математика и искусство»).

Придумало ли человечество за всю свою многотысячелетнюю историю лучший тренажёр (простите за вопиющий прозаизм) для ума и чувств? Особенно до двенадцати лет. Не компьютерные же игры, в которые никакой программист не решится вводить более двух-трёх, максимум пяти, моделей одновременно — потребитель не захочет, да и не сможет играть. Интересно, что в неволе обезьян не удаётся обучить колоть орехи. Зачем, если двуногие сами наколют и принесут на блюдечке. Не так ли и в неволе компьютеров? И неужели можно сопоставить эстетическое наслаждение от художественного произведения с удовольствием от «стрелялок»? Надо ли говорить о различии между *наслаждением* и *удовольствием*?

Эстетика, красота... Пока ещё вряд ли можно дать хоть сколько-нибудь точную формулировку этим философским категориям, сталкиваясь с двойственной природой объективных и субъективных оценок. Как известно, на вкус и цвет... Но можно ли иметь тонкую, развитую чувственность не тренируя постоянно ум?

Однако, не слишком ли много внимания КРП? В конце концов, память не единственная, хотя и чрезвычайно важная, составляющая интеллекта. У природы есть масса дублирующих и компенсаторных механизмов. Есть движение, быстрота, глубина мысли, целеустремлённость, энергия... Да мало ли. И наверняка найдутся и другие способы обучения мыслить.

Хорошо, найдём с другой стороны.

Советский Союз был, как известно, самой читающей страной мира. Слышу реплики — а что ещё было делать, если ничего другого не было? Границы закрыты, рестораны не по карману, казино где-то там, на диком Западе. Да и вообще ещё как-то обходились без компьютеров.

Так-то оно так, но вот что интересно — СССР был и самой изобретающей и рационализаторской страной. О достижениях науки нечего и говорить. Другое дело как использовались идеи и достижения, но речь не о достоинствах и недостатках рухнувших и действующих политических и экономических систем.

Не улавливаете связи?

А что, мы до открытия КРП не знали, что читающие умнее нечитающих? Даже если последние и обладают значительными объёмами *нерабочей* памяти. Как часто бесполезные знания, вернее сведения, не принимающие участия *в работе*, не только принимаются за образованность, но и за ум. Да, поразить цитатами из Плутарха или Пеллеина можно, но прослушав очередное из бесчисленных ток-шоу, часто недоумеваешь — а о чём, собственно, был разговор? Нередко даже не определяется предмет. Обсуждают, например, реализм или классику, умело делая вид, будто знают что это такое.

Русский народ всегда отличался смекалкой. Ибо всегда был *читающим*, даже до всеобщей грамотности. Читал Великую Книгу Природы. Читал и сочинял сказки, былины, народные песни. Частушки, наконец. Выделявал топором чудеса резьбы и архитектуры. Не Арина ли Родионовна научила Пушкина *читать*! Не она ли совместно с русской природой расширила КРП великого поэта до невыносимых пределов?

А не научившихся читать, как обезьянка колоть орехи, навсегда заклеил Тютчев:

*Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнца, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.*

*Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!*

.....
*Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!*

Точнее не скажешь — не умеешь видеть и слышать (*читать*) и не встревожится душа...

Не их вина... Простите Фёдор Иванович, но, может быть, всё-таки и их? Ведь вы же пытались расшевелить их задубевшие нейроны и какие-то зачатки сердца.

Читающие и нечитающие были, есть и будут, хотя в последнем начинают закрадываться сомнения. Меняется соотношение. И в настоящее время тяжёлый маятник, качнулся далеко за допустимые пределы. Можем констатировать почти поголовное нечтение. Особенно среди молодёжи. Особенно до двенадцати лет.

А как обстоят дела с наукой и изобретательством? Вряд ли статистики нас порадуют, и на глаз видно — от Советского Союза уже далеко. А что будет в ближайшем и отдалённом будущем?

Не слишком ли автор увлётся? Чтение дело интимное — не проверишь, что-то же читают. И в коммерческой литературе что-то есть... И даже в шоу-бизнесе...

Но есть косвенные, весьма существенные показатели.

Например, речь.

Обратимся ещё раз к нашим ближайшим родственникам. Двух обезьян научили говорить с помощью знаков-слов. В основном они пользовались односложными высказываниями. Двусложными — в десять раз реже. Трёхсложными — в единичных случаях. Что поделаешь, объём КРП не выше 3. Ничего не напоминает? Преподаватели даже престижных вузов всё чаще жалуются на неумение студентов выразить самую простую мысль без помощи жестикуляции, мимики и ненормативной лексики. И пользуются весьма отрывистой речью. Наверное, всё-таки более многосложной, но не слишком.

Есть и обратная сторона — безудержная болтовня, пустословие. Но крайности, как известно, сходятся — всё то же неумение выразить мысль, бесконечные повторы, отчаянная жестикуляция, и всё та же лексика.

Кстати об этой пресловутой лексике. Почему нецензурица расцвела ныне таким махровым цветом? Автор позволит себе сделать, может быть, слишком смелое предположение, но...

Мат, как и стихи, тоже инобытие языка. А свято место пусто не бывает. Не читаем стихи, потребность в выразительности замещается матом и искажением слов. Когда пришла к нам эта нынешняя оснащённость устной и письменной речи? Правильно, когда пришло нечтение. И прежде всего стихов. До этого Екатерина Великая, внедряя литературу, сумела очистить хотя бы письменный язык. И не надо говорить, что мат существовал всегда. Да, конечно, но в читательские времена употреблялся по назначению — как ругательства. И какие были мастера нашего многоэтажного! Просто поэты! Ныне же ненормативная лексика выродилась в сквернословие, «украшающая» как «поэзия» бесплодную речь. Вот вам ещё одно побочное действие нечтения.

Речь читающего человека отличают образность, метафоричность, сближение далёких понятий с мгновенными озарениями, лаконичность, да и просто красота. Правда, различить такую речь может только читающий...

Кстати, о болтливости. Говорят, у женщин центры речи и удовольствия располагаются совсем рядом. Кажется, в процессе феминистской эволюции и у многих мужчин они здорово сблизились...

Ещё один деликатный аспект проблемы — любовь к Родине.

Любовь чувство интимное, не на показ, не на выпендривание речи и клятвы. Но вряд ли генетики отыщут ген, отвечающий за патриотизм. Любовь к отечественным гробам не инстинкт, но воспитывается и развивается. И Культуре здесь — первостепенная роль. В самом деле, можно ли представить *полноценную* любовь к России без Ильи Муромца и Василисы Прекрасной? Без Пушкина, Есенина, Рубцова? Без дуба по дороге в Отрадное? Без круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями над Бежиным лугом? Без мещёрской стороны Константина Паустовского? Без осени в дубовых лесах Юрия Казакова? Без картин Саврасова и Сурикова? Без музыки Чайковского и Шостаковича?

Интеллигенция всегда недовольна существующим миропорядком, ибо далека действительность от золотого идеала. Но несогласие с идеологией, государственным устройством, правителями и прочим до сих пор не касалась самой России. Даже в письмах Чаадаева. Теперь же нередко, слава Богу, ещё не слишком часто, слышишь: «Я ненавижу эту страну! Как бы я хотела родиться где-нибудь в Голландии!» И то правильно — с томиком Гарри Поттера подмышкой. Что скажешь этим апатридам? Россия прекрасна? Читайте классику? Ничего вы им не скажете. Ибо, как писал Гоголь («В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность»): «...с умным человеком всё можно сделать и нетрудно обратить его к хорошему поведению, если сумеешь умно говорить с ним, но дурака трудно сделать умным, как ни говори с ним». Позволю себе развить мысль Великого Русского Писателя, подчеркнув различие и доведя, так сказать, до афористичности — умному можно объяснить, что он дурак, дураку — никогда.

Можно приводить ещё множество отличительных черт нечитающих. Юмор, например. Но стоит ли? Автор выбрал самые, на его взгляд, тревожные.

Обратимся, наконец, к заголовку статьи. Под национальной безопасностью обычно понимают целостность страны, способность противостоять военной угрозе, голод, болезням, нерождаемости и так далее. Всё правильно. Но вот в интеллектуальных способностях народа сомнений, особенно в парадных речах управителей, не возникает. Великий Русский Народ воспринимается как данность, исторически присутствующая с пролонгацией на все грядущие века. Можно не заботиться о состоянии народного интеллекта и не поднимать тревогу. Слава Богу, проблем и так хватает.

Может быть, в тревоге автор и сгущает краски, но от сомнений избавиться не может. Не снижается ли наш объём КРП? Не тупеем ли?

Принято считать, что экономика впереди. Культура — потом. Откуда известный «остаточный принцип». Дескать, если есть нечего, то не до стихов. А не наоборот ли? Не сначала ли не читаем стихи, а потом и есть нечего?

Автор далёк от призыва забросить производство и заняться поэзией. Впитав диалектику со школьной парты, если не детского садика, воспринимает мир в его сложнейшем единстве и противоположности. Но горе, когда разрушается гармония частей!

Нет! Искусство не факультатив. Не музыка, которая «...после обеда усыпляет, а спать после обеда здорово: следовательно, я люблю музыку в медицинском отношении», как шокировал светскую даму Печорин. И если автор был достаточно убедителен — искусство, и прежде всего поэзия, суровая необходимость. Чтобы не докатиться до катастрофического снижения КРП русского народа забвением его Великой Культуры. Искусство требует не столько средств, хотя они, безусловно, нужны, сколько *отношения* к объединяющему началу, определяющего «мы» нашего народа, непохожего ни на какой другой.

Конечно, Россия никуда не денется, обширная территория не провалится в тартары, люди будут жить и даже, может быть, более интенсивно размножаться. Но это будет уже не тот народ.

Варвары, разрушив Римскую империю, не умея читать, уничтожили античное искусство. И на тысячу лет ввергли Европу в «тесные века». Не повторить бы... Может быть, с помощью Пушкина, Толстого и остатков КРП спохватиться и не допустить?

**Иосиф Рухович,
пос. Томилино Московской области,
академик Академии российской литературы**

В заключение от редакции. Полагаем, что представленные материалы позволяют сказать: дискуссия состоялась на достаточно широком представительском уровне. Но что нас особенно порадовало и ободрило, так это совершенно иное, намного более высокое качество — по сравнению с предыдущими дискуссиями — полученных нами материалов. Если в 2011—2012 гг. преобладали «телеграфные» сообщения: одобряем-с, мол, то сейчас мы имеем дело исключительно с обстоятельными очерками, концептуальными, завершенными, информационно содержательными, написанными высоким художественно-публицистическим слогом. Штилем, как говорили в XIX веке, когда создавался сам феномен русской литературы.

Другой существенный момент: среди авторов публикуемых выше материалов достаточно хорошо представлены лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Значит, редколлегия и редакция «Приокских зорь» не ошиблись в выборе лауреатов, ибо присуждение премии ориентируется не только на (высокое) качество публикаций в журнале или в серии «Приложение к журналу «Приокские зори», но и на активное участие претендентов на звание лауреата в современном литературном процессе. Формой такового мы, прежде всего, полагаем участие в объявляемых «ПЗ» ежегодных дискуссиях.

...И в этом же аспекте — наши «стандартные» упреки и пожелания. Как всегда и уже традиционно — за единичными исключениями — промолчали Тула (истинно: сапожник без сапог), где издается журнал, и все огромное пространство «от Волги до Амура», хотя в журнале имеется постоянная рубрика с таким же названием. Повторим слова нашего классика: «Во глубине сибирских руд храните...» — например, гордое молчание. Не радует нас и Литературный институт им. А. М. Горького, хотя в «ПЗ» также имеется рубрика «Тверской бульвар — 25 в «Приокских зорях». Увы.

Обращаемся к главе тульских писателей, заместителю главного редактора «ПЗ» Виктору Федоровичу Пахомову, зав. отделом литературы Сибири Сергею Прохорову и зав. отделом литературы Поволжья Сергею Лебедеву с настоятельной просьбой «расшевелить» своих подопечных литераторов к началу следующей дискуссии. А всем принявшим участие в настоящей дискуссии — большое спасибо!